

Глава 6

НОРМА НАСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ ТРЕМЯ БРАТЬЯМИ-НДУГУ

Ключевые фразы в начале хроники Пате, которые содержат «принцип права» (правовую мнемонику), на европейские языки переводятся следующим образом: «Первым, пришедшим в Савахиль, был Селеман сын Селемана, сына Муз Захарова, и два брата его: Али сын Селемана и Асман сын Селемана <...> правителем стал упомянутый Селеман сын Селемана <...> он женился на дочери царя Пате...». Перевод понятный, но совершенно неправильный. Все дело в том, что слово «брат» не может передать содержание слова *ндугу* суахилийского подлинника. Более того, в мнемонике речь идет о группе персон, объединенных термином *ндугу*, из которых старший (об этом говорит порядок их перечисления), после женитьбы на «определенной женщине», получил титул правителя, и персон этих — три.

Согласно суахилийской традиции, термином *ндугу* (в изложении по-европейски) обозначают детей обоего пола мужчины и его братьев (*ндугу*), его жены и ее сестер (*ндугу*). Казалось бы все просто, *ндугу* — это «кузень». Но это далеко не так, ведь их родители — две группы *ндугу*. Ясно пока одно: термин *ндугу* — групповой, и как термин родства он относится к классификационной (или классификаторской) системе. Это отношение подтверждается и характером остальной терминологии: мать и сестры (*ндугу*) матери обозначаются одним термином — *мама*, отец и братья (*ндугу*) отца — также одним — *баба*. Оба эти термина передают непривычное для европейца групповое понятие — «наши матери», «наши отцы». Теток по матери нет, как нет и дядей по отцу. Есть братья-*ндугу* матерей — *ваджомба* и сестры-*ндугу* отцов — *сенгази*. Матери и отцы своих общих детей называют *ваана* или *ватото*, *виждана* (соответственно: *мвана*, *мтото*, *киджана*) без различия пола.

Столкнувшись с необходимостью анализа подлинника хроники, я, естественно, обратился к тем знаниям, которые получил еще в студенческие годы и в последующее время, и сделал для себя ряд неприятных «открытий».

Я многое запомнил, но, видимо, никогда не вдумывался в то, что запомнил. Скорее всего, сказала воспитанная в школе привычка считать учебный материал чем-то вроде «абсолютной истины» (ну, кто будет сомневаться, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы?). Еще более удивило и огорчило меня то, что сотня лет, прошедшая со времени

Моргана, была использована этнографами почти исключительно на сборы новых материалов по терминологии родства, и на его классификацию по «типам». Теоретическая сторона дела продолжала оставаться на уровне построений Моргана, которые, видимо, считались окончательными. Было удивительным, что никто не обращал внимания на несоответствие традиционной схемы записей родственной терминологии, ее индивидуального и кровнородственного принципа — и группового характера (объективно игнорирующего физиологическое происхождение) терминов родства классификационных систем. У меня складывалось впечатление, что исследовались не подлинные термины и системы их соотношений, а их переводы на европейские языки, т. е. им придавалось совсем иное содержание, привычное, гипнотизирующее кажущейся понятностью. Начать пришлось с подстановки суахилийской терминологии в традиционную в этнографии схему: отец; мать; брат отца; сестра отца; сестра матери; брат матери; «эго»; брат эго; сестра эго; дети сестер отца; дети брата матери; деды; прадеды и т. д. (рис. 13).

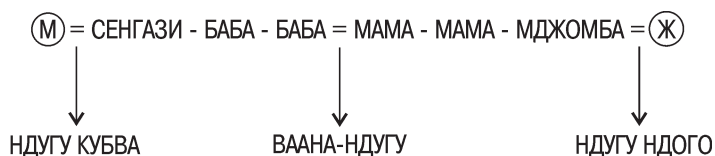

Рис. 13

Сразу же стало очевидно, что схему можно сократить (рис. 14):

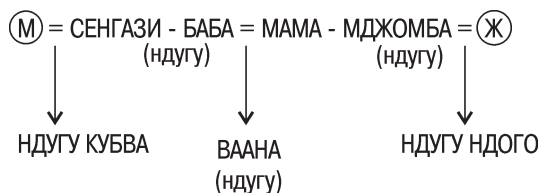

Рис. 14

На этом варианте схемы все термины имеют групповое значение (слова во множественном числе). И, прежде всего, привлекают внимание брачные «комбинации» центральной группы старшего поколения — БАБА (мн. ч.) = МАМА (мн. ч.), точнее, две группы — мужская и женская. Группа сестер-ндугу и группа их мужей, братьев-ндугу, показались мне весьма похожими на систему пуналуа, о которой было известно только то, что «группа сестер выходит замуж за каких-то мужчин; или группа братьев женится на каких-то женщинах». Эта система была забыта в этнографии в связи с несостоятельностью представлений о так называемых «групповых» (в сексуальном

смысле) браках, как о ранних формах брачных норм. Но в данном случае система получалась более строгой и стройной, содержащей некий ключевой момент. Действительно, группа женщин, объединенная одним термином родства, *ндугу*, оказывалась связанной браками не с какими-то мужчинами, а с группой мужчин, тоже *ндугу*. Из этого следовало, что и их общие дети (*ваана*), как группы *ндугу* мужского и женского пола, должны иметь в качестве партнеров по браку группу женщин-*ндугу* и группу мужчин-*ндугу* в младшем поколении. Можно было предположить, что таковыми могли быть группа мужчин-*ндугу* общих детей сенгази (мн.ч.), т. е., из *ндугу кубва*, а также — группа женщин-*ндугу* из общих детей *ваджомбе*, т. е. из *ндугу ндого*. Такое предположение легко подтверждается суахилийской традицией так называемого «предпочитаемого брака»: для мужчины — дочь *мджомба* («брата матери»), для женщины — сын *сенгази* («сестры отца»). В какие-то отдаленные времена это могло быть не «предпочтительным», а и обязательным.

Предположение об обязательной направленности брака по отношению к другим группам *ндугу* в своем поколении заставило обратиться к работам Л. Я. Штернберга о гиликах и других народах Сибири. Однако стало очевидным, что его попытка объединить три «рода» в кольцевую брачную систему оказалась несостоятельной. Поскольку «крайние» из терминов родства считались бракозапретными, ему пришлось примыслить четвертый, будто бы вымерший «род». На приведенной суахилийской схеме для младшего поколения такой «запрет» можно было объяснить из лексической семантики терминов: *ндугу ндого* — младшие *ндугу* (по отношению к ЭГО-группе *ндугу*), а *ндугу кубва* — старшие *ндугу* (разделяются по полу: *дада* — женщины, *кака* — мужчины). Если построить из этих групп *ндугу* «лестницу», учитывая и относительное старшинство и правило «предпочтительного» брака, схема младшего поколения примет такой вид (см. рис. 15).

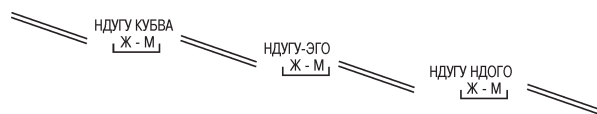

Рис. 15

Построив такую схему, я понял, что замкнуть три группы *ндугу* в «кольцо» жестких брачных обязательств невозможно из-за разности статуса старшинства на концах схемы. Но возникла другая мысль: в таком же состоянии «статуса старшинства» должна находиться и схема старшего поколения, и на тех же основаниях (т. е. и там жены были дочерьми *ваджомба*, а мужья, соответственно, — сыновьями *сенгази*). Так появилась возможность составить схему двух поколений, учитывающую статус старшинства и «предпочтительного брака» (т. е. строго ориентированного, см. рис. 16).

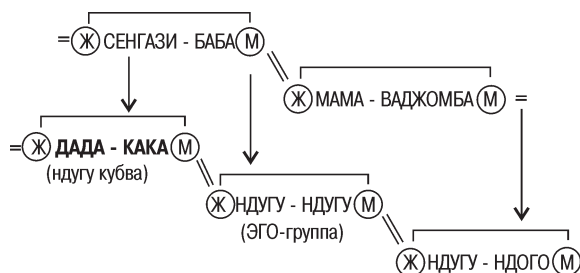

Рис. 16

В суахилийской родственной терминологии отыскалась и группа *ндугу*, которая по статусу старшинства выше группы *сенгази* — *баба*: группа *ндугу* МАМА КУБВА — БАБА КУБВА. Старше были ВАДЖУКУУ, ВИТИКУУ, ВИРЕМБВЕ и ВИНЬИНГИНЬИНГИ, что обычно переводилось как «деды», «прадеды», «прапрадеды» и «прапрапрадеды». МАМА КУБВА — БАБА КУБВА, по лексическим значениям, — «старшие матери» и «старшие отцы», но они не связаны браком. Было уже ясно, что «статус старшинства» каждой группы *ндугу* как-то связан с реальным возрастом ее членов, что речь идет о групповых обязанностях и правах, о какой-то структуре общества, а не только о нормах брака (пусть даже жестких). Слегка «высвечивался» намек на то, что не физиологическое происхождение группы детей от группы родителей лежит в основе возрастного диапазона как внутри группы *ндугу*, так и между группами. К этой мысли естественно подводила нелепость для общества системы, в которой возрастной диапазон в группе равнялся бы среднему времени способности женщины рожать детей — 20–25 лет: когда группы детей станут по реальному возрасту перекрывать друг друга, сам принцип «статуса старшинства» групп *ндугу* был бы неизбежно уничтожен. Хотя было ясно и другое — в идее этой системы социальной дистрибуции лежала способность женщин рожать, может быть — среднее время между рождением женщины и началом ее способности к деторождению, или среднее (условное) время между рождением первенца-дочери и началом способности последней к деторождению. Можно было предположить такой диапазон в 14–16 лет (если же система возникла в глубокой древности, то в 12–14 лет).

Проверить предположение можно было, сопоставив цифры со ступенчатой суммой групп *ндугу*. Между ЭГО-группой схемы и группой МАМА — ВАДЖОМБА располагается еще группа *ндугу кубва* (ДАДА — КАКА), что требовало поделить цифры хотя бы пополам. Это давало 7–8 лет (или 6–7 лет). Получалось следующее: если ЭГО-группа состоит из индивидов женского и мужского пола в возрасте от 2 до 7–8 лет, то в группе ДАДА — КАКА будут таковые от 9 до 14–16; в группе МАМА — ВАДЖОМБА — от 17 до 24 (или около); в группе СЕНГАЗИ — БАБА — от 25 до 32 (или

около); в группе МАМА КУБВА — ВАБА КУБВА — индивиды от 33 до 40; а в группе ВАДЖУКУУ — от 40 до 48 (или около) и т. д. Но эти числовые характеристики не могут быть по своему существу застывшими, идут годы — возраст меняется.

Вот тут все встало на свои места, я понял, что передо мной ступенчатая схема отрезков времени (примерно по 7–8 или 9 лет), через которые проходил любой индивид, получая каждый раз определенные обязанности и права не в связи с физическим происхождением от родителей, а в соответствии со своими возрастными возможностями. Это была социально-организующая система «возрастных статусов», система абсолютно демократичная, предоставляющая любому индивиду полную возможность постепенно освоить всю традицию знаний и умений, которую конкретное общество накопило ко времени его рождения. Стало очевидным, что эта система возрастных статусов (возможно, в каком-то числовом оформлении) началом своим восходит к глубокой архаике, к тем временам, когда человечество еще не знало таких правовых организмов, как кровно-линейный экзогамный род с его отделенной территориальной и обособленной материальной собственностью, и тем более — такой социально-экономической ячейки, как семья, состоящая из представителей трех поколений. Меня удивила внутренняя простота открывшейся системы организации общественной жизни при помощи «лестницы» возрастных статусов, системы, в которой физиологическое происхождение (кровное родство) не является структурным принципом.

Вместе с тем явилось и обоснованное предположение, что в основе любой другой (не суахильской) классификационной (т. е. с групповым значением терминов) системы родственной терминологии должна лежать аналогичная система возрастных статусов.

Тем не менее все, что обнаружилось в результате изложенного анализа суахильской родственной терминологии, не давало ответа на исходный вопрос. Оставалось непонятным, почему право власти верховного правителя суахильского средневекового города передавалось в рамках группы из трех *ндугу*-индивидов, физиологически происходивших от трех их родителей-*ндугу*. Столь же неясным было и другое — каков состав реальной группы *ндугу* одного возрастного статуса, т. е. считалась ли таковой каждая годовичная группа индивидов или все годовичные группы, находившиеся в данный (чем-то отмеченный) момент в пределах временного диапазона статуса? Иными словами, непрерывно (ежегодно) или дискретно происходил переход групп из одного социального статуса в следующий по прошествии нескольких лет? Сама схема статусов ответа не давала. Действительно ли «родственные» связи статусов по классификационным терминам родства тесно связывали индивида, его одногодков и всех, находящихся в его статусе в данный момент, с теми, кто в этот же момент находился в других статусах?

Некоторые предположения вытекали из марковского тезиса о первостепенном значении коллективного труда в процессе становления и развития человеческого общества. Стало быть, обществу был важен не сам факт рождения ребенка кем-либо, и не календарный возраст его по мере течения времени, а нечто другое — чему и когда он может научиться, что и когда он может сделать, возвращая обществу то, что оно тратило на него ранее. Из этого положения следовал неизбежный вывод: хотя реальные ежегодные возрастные группы придавали бы системе максимальную стройность, они не оправдывали бы себя ни в освоении знаний, ни в коллективных трудовых действиях, а реализация системы возрастных делений в таком случае сильно снизила бы ее общественную рентабельность. Видимо, следовало предположить реализацию статуса хотя бы в виде двух ступеней: время «визуального знакомства» с тем, что общество возлагало на данный возрастной статус, и время «физического выполнения».

Много позже это предположение подтвердилось фактическим материалом, но вначале оно только определило мысленный выбор в пользу дискретного перемещения реальных возрастных групп, включавших индивидов с диапазоном календарного возраста в 3–4 года или даже 7–9 лет. Этот выбор порождал и еще одну мысль. Становилось понятным, как в архаическом обществе в реальности происходила передача традиционных знаний и жизненного опыта. Обычно говорят: «традиция переходила от отца к сыну» или «от одного поколения к другому», или иначе, но в том же духе, неоправданно перенося в более ранние эпохи (по времени или по развитости общества) современные нам или недавние обстоятельства. Здесь же получалась более конкретная картина, соответствовавшая обстоятельствам архаического общества, где физические породители и их дети жили вместе очень ограниченное время (пока дети питались молоком матери). Знания и жизненный опыт, трудовые навыки передавались от старших к младшим, как в пределах возрастного статуса, так и по мере перехода от статуса к статусу. В архаическом обществе не было голодающих и раскормленных детей, не было сирот, не было вдов или вдовцов, не было пасынков или падчериц, как не было старых дев и холостяков. Я вовсе не хочу сказать, что это был «золотой век»: труда и трудностей было много, обеспеченность необходимым для жизни не могла быть стабильной ни по сезонам, ни по годам — я только утверждаю невозможность в архаическом обществе индивидуальных состояний социальной ущербности.

А из этого следовало, что и регулирование социальной действительности, и управление всей жизнью реальных архаических коллективов не могло быть ни индивидуальным, ни вознесенным над всеми его возрастными традициями. Иначе говоря, можно для очень отдаленного архаического общества принять за норму иерархию возрастного подчинения. Но сразу же возникала мысль: о подчинении «кому» или «чему»? Ответ на

такой вопрос не так прост, как может показаться. Можно попробовать мысленно смоделировать вариант обстоятельств, которые позволили бы уверенно уточнить ответ. Так, например, группа людей пересекает неширокое, но очень длинное топкое болото. Гарантией наиболее верного успеха будет присутствие в их числе одного или нескольких человек, которые уже неоднократно ходили по этому болоту, извилистым безопасным путем. Естественно, что знающие идут первыми, а за ними следует цепочка остальных, повторяя все их движения и повороты. Предположим, что кому-то из новичков показалось слишком медленным петляющее движение к противоположенному берегу (особенно в конце перехода), и он пошел напрямик, попал в топь и погиб на глазах у всех остальных. Могло и повезти, и нарушитель мог остаться живым. Однако можно с уверенностью сказать, что гибель товарища произведет на остальных большее впечатление, чем его успех. Но укрепит она не личный авторитет вожакого (или вожатых), а убежденность в необходимости точно следовать за «знающими», копировать их действия. Примерно так должно выглядеть действие любой архаической традиции, как в отдельных ее элементах, так и в целом. Она складывалась и развивалась медленно, живущим казалась недвижимой и «вечной», при соблюдении обеспечивала допустимый успех, при разрушении нередко жестоко карала нарушителя. Представляется возможным допустить для очень отдаленной архаики как отсутствие подчинения коллектива чьей-либо воли (одного или нескольких индивидов), так и специально выделяемых этим обществом персон-обладателей постоянной обязанностью волеизъявления. Тем не менее, в повседневной деятельности любой степени сложности или трудности всегда находились «старшие», которые своим примером «организовывали» действия «младших» участников, и тех, кто совершенствовал свое умение; и тех, кто только начинал что-либо осваивать.

Я вовсе не имею в виду пресловутых «старейшин первобытных племен», этаких весьма и весьма пожилых седобородых старцев, скопивших за долгую жизнь в своей (на диво крепкой) памяти всю мудрость первобытного жителя и щедро одаряющих ею своих глуповатых и непоседливых внуков и правнуков. Напротив, те сведения в этнографических описаниях (особенно в ранних записях) о жизни неразвитых обществ, которые без сильных искажений можно отнести и к глубокой архаике, свидетельствуют о раннем воспитании таких качеств, как: сдержанности, внимательности, терпеливости, выносливости, способности без негативных эмоций переносить голод, холод, тяжелые физические напряжения, умения не впадать в панический страх в опасных ситуациях и др. Ни одно из этих качеств невозможно воспитать словесными увещаниями и наставлениями. Физически их можно перенять, подражая активным проявлениям их старшими, а закрепить нравственно-высокой социальной оценкой тех, кто обладает ими

в полной мере. По моему убеждению, эти качества составляли значительную часть того, что создавало жизнестойкость архаического общества, другие же ее части — традиция социально-возрастной структуры, обеспечивающая воспитание и этих качеств, и трудовых навыков, и традиций материальной культуры.

В таких обстоятельствах организующая всю общественную жизнь структура возрастных статусов должна была состоять из двух полуциклов (не считая возраста грудного младенца): активно-продолжительного и пассивного, более краткого. Активный полуцикл, в свою очередь, должен был делиться на две части, соответствующие времени освоения того, что имела социальная традиция, и времени реализации приобретенных умений и знаний. Пассивный полуцикл соответствовал времени утраты физической способности участвовать в жизнеобеспечении, он фактически смыкался с периодом грудного младенчества. Эти мысли и выводы снова возвращали меня к схеме возрастных статусов, построенной на суахильских терминах классификационного родства. Я хотел понять, какие статусы могли включать в диапазон полагающихся обязанностей и обязанность руководить делами, относящимися к младшим статусам, чтобы постепенно добраться до появления в архаическом обществе более или менее индивидуализированных вождей-руководителей в тех или иных коллективных занятиях (см. рис. 17).

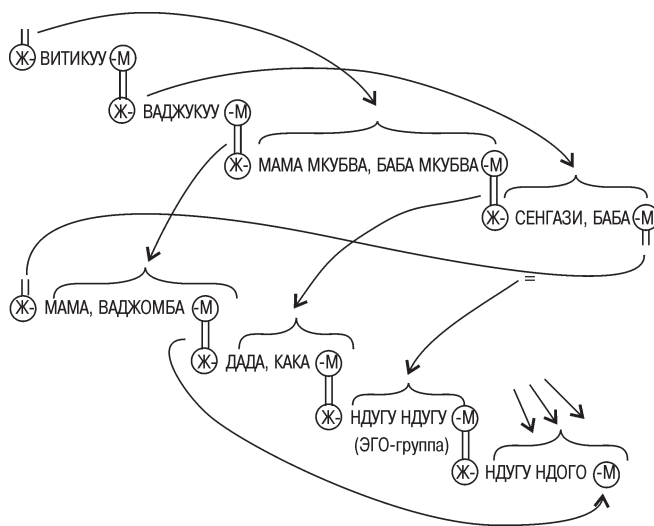

Рис. 17

Начать анализ схемы следует не с возрастного статуса ЭГО-группы, а со статуса их *ндугу ндого*, — хотя как реальной социальной группы их, собственно, и нет: это — дети до 2–3-х летнего возраста, живущие со своими физическими породителями (на языке суахили *ватото вачанга*). Статус

ЭГО-группы, статус вступления в социально активную жизнь, длящийся, допустим, 8 лет, «заполнен» реальной группой социальных (т. е. условных) сверстников с социальным возрастом от одного года до 8 лет (от 2 до 10 реальных). Как можно судить по некоторым этнографическим данным, они жили уже не вместе с породителями, а в особом жилище: до 4-х социальных лет — все вместе, а те, кто старше — в отдельных мужских и женских домах. Эти сведения могут указывать на то, что процесс перехода реальной возрастной группы в следующий статус, видимо, происходил дискретно, по частям. Возможно, что завершение перехода всей группой отмечалось специальным обрядом. Весьма вероятно, что этот обряд (*кунгве*) был длительным. Он включал в себя нанесение на лицо и тело рубцов или татуировки (*ремба*), раскрашивания лица и тела (*джипака*), надевания пояса с передничком (*китамби*), присвоения группового тотемического (тайного) имени (*тамбико*) и процедуры обрезания (собственно *кунгве*). Обряд проходил под руководством «очень пожилых людей» (*вакунгви*). По системе социально-возрастного родства *вакунгви* по отношению к ЭГО-группе были ваджукуу.

Со времени принятия жителями суахильского побережья мусульманской религии (приблизительно VIII–XIX вв.) обряд *кунгве* сохранялся только в мелких селениях и пригородных кварталах, где ко времени колониального раздела от него остались только *джипака* и посадка саженцев кокосовой пальмы, что было связано с процедурой *тамбико*. У городских суахили мальчики 7-летнего возраста проходили обрезание по мусульманским правилам, и если позволяли средства родителей, несколько лет под руководством *мвалиму* обучались старинному суахильскому письму и знакомились с Кораном. Девочки с 6–7 лет и до замужества (если позволяли средства) отдавались на воспитание «старой женщине» (*мвана купона*), которая обучала их всему, что должна знать и исполнять благородная женщина (*мтото ва вату*).

Так некогда завершился первый этап моих поисков пути к пониманию правовой нормы трех братьев-ндугу, поочередно занимавших пост правителя суахильского города Пате. Иными словами, нашелся след наставников или руководителей *ватото* — детей, проходивших через первый социально-активный возрастной статус в архаическом обществе суахильского побережья. Ими оказались социально возрастные родственники *ватото* — ваджукуу, проходившие в то же время через последний социально-активный статус системы, люди, теряющие или потерявшие физическую активность, но необходимые обществу, как наблюдатели за общими детьми, вышедшими из-под опеки физических породителей, как группа, передающая свою социальную активность новой группе, ее получающей. Таким образом, замыкался архаический круг социальной активности, вне его находились *витикуу* (буквально — внесоци-

альные старцы) и *ватото вачанга* (или *вичанга*), т. е. незрелые дети, дети-ростки. Это была трудно воспринимаемая современным сознанием категория «предков-потомков».

Теперь схему статусов социально-возрастного родства можно построить иначе (см. рис. 18)

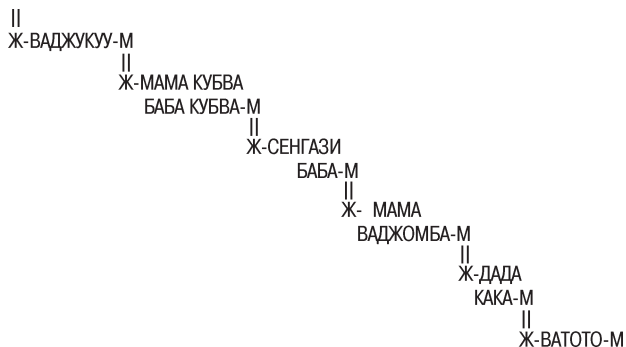

Рис. 18

Поскольку схема социально-возрастных статусов архаических «суахили» была построена на основании групповых терминов социального родства, следует подчеркнуть, что перемещение реальной возрастной группы (ЭГО-группы) по возрастным статусам не меняло ее соотношения в терминах родства с остальными группами, которые также перемещались. Но во втором возрастном статусе *ватото* становились *виджана*, т. е. «подходящими» к социальному полноправию. Весьма вероятно, что их воспитанием в этом направлении ведали находившиеся в статусе *вакубва* (или *вакуу*), младшем смежном со статусом *важдукуу*. Название статуса *вакубва* (или *вакуу*) можно перевести как «матерые», «мудрые». Люди статуса *вакубва* еще именовались *вату вазиму* (или *ватиму*), т. е. «имеющие духов» — родственники которых с терминами *мама* и *баба* «находятся» во внесоциальных статусах *витикуу* и *вирумбве* — большею частью умерли, стали «духами»-предками.

Переход *виджана* в два следующих возрастных статуса, называвшихся одним термином *вату* (полноправные люди, рождающие детей), происходил раздельно, в зависимости от пола: девушки, пройдя время второго статуса, выходили замуж, а юноши (*виждана*; девушки назывались *виджакази*) оставались в этом социальном качестве еще один статусный срок, после чего женились на девушках из смежной младшей группы (на своих *ндугу ндого-Ж*, т. е. на младших *ндугу*-сестрах). Второй статусный срок пребывания мальчиков в юношеском состоянии был необходим для того, чтобы они прошли полную практическую выучку в полагающихся мужские дела под руководством своих старших *ндугу* (*кака*) — мужей их одно-возрастных сестер-*ндугу*. Нетрудно заметить, что обращение *ндугу* со стороны мужчины к женщине (или наоборот) может содержать и брачный

запрет (*ндугу* из той же группы «одновозрастных»), и брачные обязательства (*ндугу* из смежной младшей группы — *ндугу-жена*, *ндугу* из смежной старшей группы — *ндугу-муж*), те самые «комбинации» в переводах на европейские языки: «брат и его жена-сестра»; «некогда был обычай жениться на своих сестрах» и т. п.

По нормам языка суахили термины, обозначающие возрастные статусы, должны относиться к именному классу с формантом «у»: *утото*, *уджана* и т. д.

Таким образом, схема активных социально-возрастных статусов была такой (см. рис. 19).

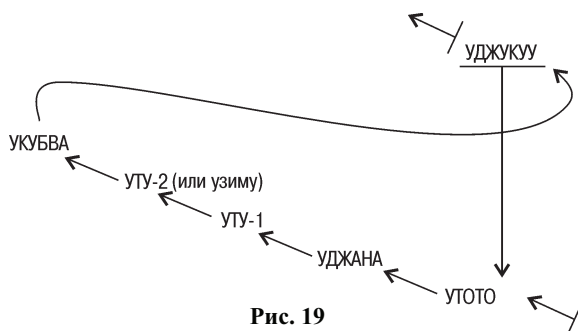

Рис. 19

Временным «совпадением» статусов *уджукуу* и *утото* замыкался социально активный «круг», за пределами которого были грудные дети и старцы.

Если эту же схему изобразить в числовых значениях возрастных статусов, например, в «момент» перехода реальных групп, то можно сделать несколько выводов относительно возможных руководителей в повседневных занятиях трудовых коллективов (см. рис. 20).

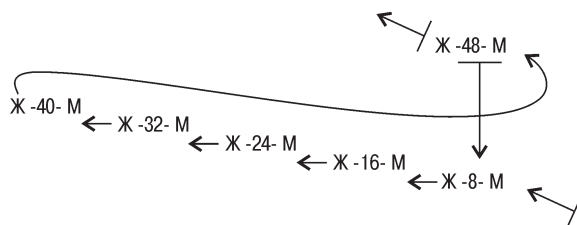

Рис. 20

При возрастном диапазоне статуса в 8 лет, несомненно, должно быть два «типа» руководителей («вождей»): а) из числа членов данной возрастной группы и б) из представителей смежной старшей. Логика такова: например, любая конкретная группа первого, самого младшего статуса состоит из индивидов социального возраста от одного до 8 лет (т. е. календарного от 3 до 11–12 лет), и все их повседневные занятия, по сути дела, сводятся к играм

различной сложности, социальная значимость которых — развитие физических, психических и моральных навыков, необходимых данному обществу на данном этапе его развития. Ясно, что сложность игр будет соответствовать более дробным возрастным сечениям в группе, но во всех случаях, т. е. в каждой игре, будут выделяться наиболее ловкие и умелые, и не только по реальному старшинству, но и по способностям. Иными словами, в играх будут возникать признанные «вожди игр». Иная картина представится, если старшая часть группы примет участие в каком-либо практическом занятии представителей смежного старшего статуса. В этом случае члены младшего статуса окажутся под руководством наиболее искусного представителя из «старших», т. е. под руководством «вождя этого дела», а роль «вождей игр» потеряет прямую значимость. Далее, если имеется в виду более сложное дело, например, дальняя охотничья экспедиция, то в ней главную роль будут играть представители еще более старшего (III-го) статуса, а вождем будет наиболее искусный и знающий охотник из их числа. Младшие вожди не потеряют значения, поскольку структура «дела» достаточно сложна, хотя они и не будут «подчинены» вождю экспедиции, в нашем современном понимании соподчинения. С окончанием «дела» или «игры» структура «вождь — участники» перестает существовать. И какое бы значение ни отводилось конкретным этносом, например, охоте, даже лучший из «охотничьих вождей» вне охоты был «рядовым» представителем этого этноса.

В современном понимании «руководство» — это обязанность «волеизъявления» в определенном диапазоне, предписанная более высокой волеизъявляющей инстанцией. К действительности архаического доклассового общества это положение не имеет никакого отношения вследствие совершенно иного представления относительно оснований пригодности. Такие понятия, как «способность», «талант», и сейчас не имеют удовлетворительных объяснений и, по существу, воспринимаются через факты их проявлений. Волеизъявляющим «начальником» можно назначить любого, но никого нельзя назначить талантом. Архаическое общество, в силу более жесткого взаимоотношения с природной средой, объективно не могло пользоваться «назначенным начальником» для руководства любым делом — годились только таланты. Следовательно, оно никого и ни для каких целей не назначало и даже не избирало. Оно искало и находило, но не для того, чтобы кто-то «волеизъявлял»; цель была иная и более сложная.

Как можно судить по тем «следам», которые обнаруживаются иногда в этнографических записях, в фольклоре и эпосе, в древних и античных текстах, и даже в религиозной догматике, человечество, наряду с создаваемой эмпирически, вслепую традицией материального производства в целях жизнеобеспечения, также эмпирически создавало и традицию эмоциональной жизнестойкости. Эмоции живого организма, в том числе и человеческого, если он здоров, не зарождаются стихийно внутри него,

их создает тот или иной результат контакта этого организма с внешней средой. Социальный характер жизни древнейшего человечества объективно «отбирал» в культурную традицию не только все более и более действенные формы орудий труда и вещественной продукции труда, формы отношений, связей и взаимодействий индивидов в коллективной жизни, но и все то, что укрепляло социум в эмоционально-духовном аспекте. Как и две другие, эта грань человеческой культуры практически была материальной. Социальная традиция «отбирала» предметы и явления окружающей среды, обладавшие наибольшей способностью эмоционального воздействия на человеческий организм, в том числе и из того, что производило само человечество, включая физическое воспроизводство человека. Основа жизни всей традиции и любого ее аспекта (или грани) заключена в способности подражать, а этой способностью обладали уже и зоологические предки человека. Возможность развития и совершенствования подражательной традиции на определенном количественном ее уровне породила первичный социум, что, в свою очередь, положительно отразилось на развитии традиции. Осознанные «индивидуальные» воздействия на традицию, т. е. так называемые «изобретения», появились очень поздно, можно сказать — совсем недавно. Древний «изобретатель» объективно оказывался бы просто разрушителем традиции, по тому времени — единственной хранительницы того, что обеспечивало жизнеспособность социума. Иначе — мы должны либо допустить «внезапное озарение свыше», либо счесть возможной резкую мутацию в направлении мозговой способности мутанта «мысленно» заполнить пустоты в материальном окружении еще материально несуществующими «звеньями». Первое предположение — прямая поповщина, второе — поповщина скрытая. Смыкающаяся, по сути дела, с расизмом. Естественно, что и древний социум, и архаическое доклассовое общество к «изобретателю» относились далеко не положительно.

Иное дело — физически «идеальный», овладевший до уровня «таланта» важнейшим элементом традиции индивид, великолепный образчик зверя, птицы, растительного мира или мира «неживой природы», атмосферных явлений, позже — и создания человеческих рук. Эмоциональное воздействие каждого из этих «объектов» сильно и положительно, т. е. вызывает подъем чувств, «впечатляет». Осознание этого воздействия, как и вообще мыслительной способности, шло очень медленно. Но активное отношение к положительным коллективным эмоциям и к тому, что их вызывало, шло, по-видимому, параллельно с развитием материальной культуры и первичных социальных отношений. Оно составляло основу простейшей формы идеологии и практически до появления ритуалов не отделялось от другой жизнедеятельности. На какой-то стадии развития мышления должен был появиться социальный вопрос — «почему?». Он был нужен человечеству, чтобы «организовывать» коллективные эмоционально-психические состо-

яния, т. е. увеличивать их положительные или уменьшать отрицательные воздействия на жизнедеятельность общества. Несомненно, что архаические люди в качестве причины различия человеческих способностей и талантов и всего того, что обладало сильным эмоциональным воздействием, могли предположить только что-то материальное и «естественное», что могло накапливаться или уменьшаться и в самом человеке, и в звере, и в любом предмете окружающей среды, и в орудиях труда, и в охотничьем оружии, и в других изделиях. Это «нечто» было причиной того, что острие — колет, лезвие — режет, человек или дерево — растут, и т. д. Это «нечто» было очень подвижным, его уменьшением в чем-либо или в ком-либо объяснялись все неудачи, болезнь, старость; и наоборот, избытком — все те достоинства, которые вызывали сильный эмоциональный отклик и лучшие результаты действий даже вблизи «обладателя». Все сказанное — не вымысел, а сумма выводов из того материала, который собрали этнографы и вообще исследователи жизни так называемых «дикарей» и их «примитивной религии» — фетишизма, анимизма, тотемизма, обожествления сил природы, культа предков, поклонения демонам и других проявлений их «невежества» и «детской наивности мышления».

Много раньше ученых обнаружили вещественный «арсенал» регулирования общественных и индивидуальных эмоций и психических состояний у народов, не достигших уровня классового общества, проповедники христианской религии. Они видели в этом идеологическом комплексе соперничающую религию, называя ее «язычеством», «суеверием». Всеми силами и средствами они боролись с ней, и далеко не всегда успешно. Психическую действенность многих элементов этой архаической идеологической традиции христианская церковь присвоила себе, организовывая свое эмоциональное воздействие на обращаемых в «истинную веру» для своих классовых целей, запрещая и изгоняя из сознания и практики неподходящее. Много существует и сейчас, хотя мы и не подозреваем об этом — например, то или иное настроение, создаваемое музыкой, поэзией, изобразительными искусствами, праздничной одеждой, танцами. Сейчас общественно-организующая роль этих видов искусств и их произведений значительно снижена, но снижена не вследствие «более взрослой» души современного человека, а в результате почти полного отрыва искусства от производства, от основ повседневной жизни, из-за его расположения на втором ее плане. Разумеется, что исключительная социальная значимость всего того, что ныне является специализированными видами человеческой деятельности, опиралась не на «детское состояние души дикаря», а просто на большую, постоянно ощущаемую связь жизнеобеспечивающего труда с природой, с ее региональной спецификой и «капризами». К сожалению, исследователи изобрели тезис о страхе древнего человека, или «дикаря», перед природой и потеряли так много времени, уйдя в сторону от изучения положи-

тельных сторон дорелигиозной социальной психологии и идеологии, увлекшись поисками «первобытной религии».

Я вовсе не исключаю страх — естественную эмоцию — из компонентов основы архаической идеологии. Страх, надежда и радость, видимо, в ней были главными эмоциями. Все они не только индивидуальны и коллективны, но и «заразительны», а, следовательно — управляемы. Этот факт был обнаружен и использован древним обществом для создания традиции управления необходимыми ему коллективными эмоциями. В доклассовом обществе эта традиция не сгущала коллективный страх, когда он возникал, а снимала или смягчала его, как не уничтожала, а укрепляла надежду. Слово «страх», по сути дела, очень неточно передает имеющуюся в виду коллективную эмоцию.

Страх есть индивидуальное, инстинктивное, быстро проходящее ощущение, которое «вспыхивает» в момент резкого изменения в окружающей среде, например, когда к ногам человека падает отвалившийся от карниза кирпич. Это — страх физиологический. Социальный же страх — скорее осознаваемое тяжелое и напряженное психическое состояние, напряженное ожидание, как чего-либо плохого, так и запаздывающего хорошего. Физиологический страх в исключительной обстановке (землетрясение и т. п.) может превратиться в массовый панический ужас, способный принести больше вреда, чем вызвавшее его явление само по себе. Социальный же страх может дойти до степени массового панического ужаса только при двух обстоятельствах: когда причина напряженного психического состояния касается многих, и когда время ожидания выходит за пределы человеческого терпения. Есть и еще одно обстоятельство — «заразительность» внешних проявлений эмоций, поскольку пределы терпения у разных людей различны. Но, судя по всему, архаическое общество раньше всего научилось «обезвреживать» нежелательные проявления эмоций психической тренировкой с ранних возрастных состояний индивидов — групповым (т. е. коллективным) обучением легко переносить холод, жару, боль, голод, усталость и другие неудобства. Здесь, в сущности, использовалась та же «заразительность», но в «обратном порядке» — умение скрывать индивидуальные эмоции становилось препятствием для «цепной реакции» их превращения в панику.

Однако, существовали и такие обстоятельства, когда даже скрытое эмоциональное напряжение больших коллективов доходило до крайних пределов (например, длительное запаздывание муссонных дождей или разлива реки, начинавшихся, как правило, после долгого сухого сезона). Эти природные явления, получившие исключительное значение в жизни людей со времени появления активного хозяйства, т. е. скотоводства и земледелия, в литературе оцениваются по-разному. Одни авторы, имея в виду современный календарь, говорят, что их периодичность значительно колеблется,

другие называют их постоянными, считая главным факт повторяемости. Но и те, и другие однозначно указывают на нерегулярную интенсивность. Из этого нетрудно понять, какие эмоции могли испытывать, например, архаические земледельцы, когда дожди сильно запаздывали или шли слишком слабо. От дождей зависел урожай, а от него жизнь или смерть. Тягостное эмоциональное состояние мешало трудиться, а ведь не сам дождь давал урожай, а, прежде всего, труд людей. И архаическое общество начало постепенно накапливать особую традицию приемов нейтрализации негативных массовых эмоций. Несомненно, что у этой традиции объективно была и другая социальная роль — она создавала на уровне психики чувство единства реальных коллективов, чувство силы коллектива в труде и жизнестойкости. Материальный арсенал этой традиции с самого ее зарождения, т. е. с глубочайшей древности, мог состоять только из того, что воспринималось человеческими органами чувств в их обычном нормальном состоянии. По той простой причине, по которой в квартире нашего современника не прячутся в темных углах привидения или демоны — для людей, живших «в природе», вся окружающая их природная среда была так же известна и привычна, была их «домом»; и не содержала ни днем, ни ночью ничего пугающего или необъяснимого. Демоны и призраки появляются только с того времени, когда земледельцы стали замыкаться в своем селеении; когда развитый, сельскохозяйственный труд стал крайне ограничивать выход за пределы округа; и «мир» стал превращаться в сознании в «точку», окруженную неизвестным. Большая роль в создании демонов, чертей, и вообще — страха перед неизвестным, принадлежала служителям и проповедникам всех когда-либо существовавших религий. Любой религии, т. е. ступку идеологии классового общества, страх был нужен — как главный инструмент духовного порабощения, и нет никакой надобности переносить этот «инструмент» в идеологию доклассового общества, где никто никого не порабощал. Говоря иначе, нет оснований собранный этнографами материал о современных «верованиях» и «суевериях» без крайней осторожности ставить в позицию «религии» доклассового архаического общества.

Считается, что человек стадии *Homo sapiens* появился в позднем палеолите. Следовательно, с этого времени и до наших дней его мыслительные и эмоционально-психические возможности не должны претерпеть качественных изменений. Стало быть, если отбросить все то, что нанесло в человеческое сознание время господства религий, открывается некоторая возможность понять мир представлений нашего «доклассового» предка. Суть изменений, видимо, заключается в том, что в начале этого периода общий объем знаний был много меньше современного, но то, чем владел каждый индивид (несомненно — весь объем) было много большим и полнотой действительным — по сравнению с индивидуальным объемом знаний

нашего даже образованного современника. Но с того времени, когда активные формы хозяйства (скотоводство и земледелие) стали оттеснять на второй план пассивные по отношению к природе виды жизнеобеспечения (охота, рыболовство, собирательство), первичное соотношение начало меняться. Во-первых, стал уменьшаться во времени прямой контакт, некогда постоянный, с естественно-природной средой, и снизилась выучка молодежи в этом отношении. Во-вторых, стали возникать обстоятельства, для которых не существовало причин в предшествующие эпохи — столкновения локальных коллективов из-за земледельческих угодий, пастбищ и водопоев, а навыки владения охотничьим оружием пополнились приемами защиты от оружия противника. В-третьих, при том, что активное хозяйство сильно повысило отдачу труда, стада и посевы оказались менее защищенными от негативных природных явлений, нежели дикие животные или дикорастущие злаки. Принципиальные изменения в хозяйстве оказали существенное влияние на идеологию и социальную структуру неолитического общества. Появление враждебных столкновений стало менять роль охотничьих вождей, все более и более превращая их в вождей военных, а юношей-охотников — в воинов. Ритуал перехода юношей в статус полноправных мужчин пополнился новым практическим «экзаменом» — набегом на соседей, необходимостью иметь военный трофей. Дальнейшее развитие этой стороны социальной действительности, видимо, привело общество к необходимости стабилизировать воспроизводство «военных вождей».

Возможно, что на форму этой стабилизации повлиял активный характер хозяйства, т. е. развившаяся сознательная селекция скота и злаков, обнаружившая наследственность качеств. Объяснялась она, несомненно, в смысле сохранения и аккумуляции некоей сущности в потомках превосходных образчиков скота или злака. Возможно также, что перенос этих открытий на человека был облегчен тем, что воспитать отличного военного вождя в принципе было возможно. Талантливый охотничий вождь внешне мог ничем не отличаться от остальных охотников, военный же, несомненно, должен быть выше и сильнее любого воина, а искусство владеть боевым оружием может быть обеспечено только усиленной тренировкой. Первые качества могут быть замечены уже в детстве, как и их физиологическое наследование, а искусность в оружии достигается специальной «культивацией», т. е. освобождением от всех других занятий. В идеологическом плане также произойдет некоторое превращение. То «нечто», которое прежде «открывалось» само, в новых условиях уже начнет создаваться, а вместе с этим — и то положительное воздействие на данный род занятий (сражение с противником) и на его участников. Это уже ни что иное, как «магический комплекс», внутренне вполне материальный. А активно аккумуляемое им «нечто» — уже некая «способность» или «сила», которую

можно называть и «магической». Другими словами, военный вождь формируется как священная персона, магически созданная и обладающая магическими способностями, возможно, и не только для военных предприятий. Если сопоставить эти изменения с традицией социально-возрастного деления общества, то в схемах это будет так: из шести статусов (ступеней) социально-активного цикла, четыре замкнутся в особый цикл воспроизводства «священной персоны» (см. рис. 21).

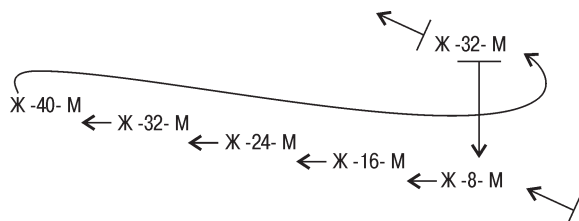

Рис. 21

Эта же схема в суахильской терминологии родства (ед.ч.) (см. рис. 22).

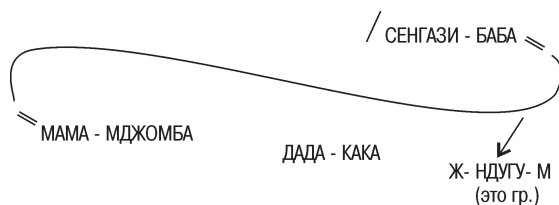

Рис. 22

То же в названиях возрастных статусов (ступеней) (см. рис. 23).

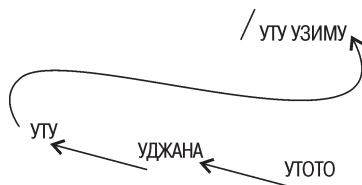

Рис. 23

Но если учитывать происхождение трех представителей, точнее — трех пар (М – Ж) младшего колена, то схема будет иной (см. рис. 23 доп).

Та же схема с обозначением конечного возраста каждого статуса (см. рис. 23 доп. 2).

Эти схемы дают возможность сделать ряд теоретических выводов относительно функционирования системы воспроизводства «священной персоны» военного вождя архаического общества. Прежде всего, очевидно, что «персона» пребывает на своем посту ограниченное время — срок од-

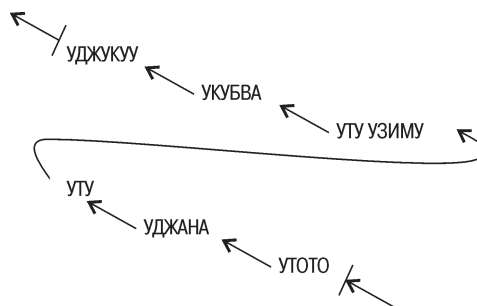

Рис. 23 доп.

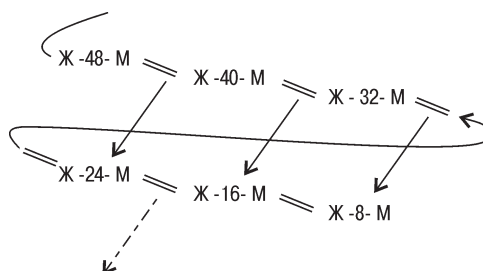

Рис. 23 доп 2.

ного возрастного статуса, т. е. формально 8 лет, с 24 до 32 — статус УТУ УЗИМУ, если в сан военного вождя персону вводит брачный ритуал. Священная жена вождя (вместе они составляют священную пару), его «сестрандугу» — из смежного младшего статуса (*ндугу ндого*), т. е. статуса 16–24. Окончание времени «правления» этого вождя-мфальме должно было совпадать с достижением социальной зрелости (16 лет) женщиной из смежного младшего статуса его жены, т. е. ее *ндугу ндого*. Иначе можно сказать, что *мфальме* оставлял пост, как только «брат-ндугу» его жены (мужчина ее статуса) достигал возраста 24 лет, к которому и переходил сан и титул *мфальме*, вследствие его брака с «сестрой *ндугу-ндого*» жены его предшественника. За время статуса (8 лет) священная пара могла породить трех или четырех детей (максимально 6). Следовательно, «правильная» стабильность функционирования трехступенчатой системы требовала выживаемости до полноправного возраста (из детей священной пары, рожденных за 8 лет) одного сына и одной дочери, предпочтительно — первенцев. Если случалось так, что это условие частично или полностью не выполнялось, то, по-видимому, этнос из своей среды избирал «подмену», в соответствии с требуемым возрастом и с надлежащими «приметами» пригодности. Такое предположение для ранней архаики вполне допустимо, поскольку этнос интересовался не столько кровной непрерывностью на посту священной персоны, сколько «магической действенностью» этой персоны (или пары),

хотя наилучшим вариантом, следует полагать, уже считалась все же кровная непрерывность. Есть также и основания предполагать, что этнос в случае исключительной «магической результативности» священной персоны в течение всех 8 лет мог исключить из наследования следующего «брата» и продлить пребывание в сане еще на 8 лет путем повторения брачной церемонии со следующей по порядку 16-летней сакральной женщиной (судя по всему, архаическое общество рассматривало эту процедуру как «возврат молодости» — 24 года, данной священной персоне). По-видимому, в ранней архаике священного вождя, окончившего свои полномочия, убивали в специальном ритуале (возможно, не везде), активно замыкали систему его воспроизводства на IV-ом статусе; на I-ом — в старшем колене. Следы этого обычая в относительно недавнем прошлом обычно интерпретируют как «принесение вождя в жертву богам», но внимательное отношение к этим сведениям показывает некую «странность» — «боги» (например, Один, Бальдр и др.) «приносятся в жертву» себе же. Очевидно, смысл был иной: возможно, так передавали наследнику (точнее, преемнику) сохранившуюся часть «магической возможности» предшественника, или возвращали ее в окружающий мир. Схема, учитывающая этот обычай, выглядит так (см. рис. 24).

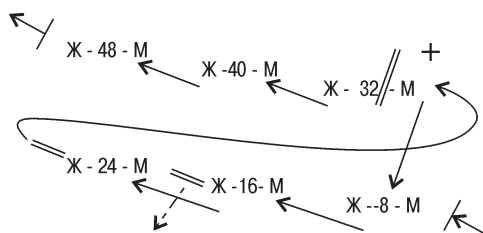

Рис. 24

Трехступенчатая система воспроизводства архаической священной персоны (военного вождя юношей) — система «переходная», т. е. она совмещает в себе и архаический принцип социально-возрастного деления, и новый принцип кровно-физиологического индивидуального происхождения. На этом основании, для большей наглядности, с известной осторожностью, ее можно изобразить в терминах, более понятных нашему современнику, включив условное понимание терминов «брат», «сестра» в том значении, которое содержится в суахилийском термине *ндугу*, кроме обычных «брат», «сестра». «Эго» в этой схеме — священный вождь (см. рис. 25).

Схема в таком виде открывает некоторую возможность проникнуть в сущность многих «темных» мест, как в этнографических записях, так и в античных сведениях о варварах, в эпических сказаниях, в фольклоре. Прежде всего, отчетливо видно, что титул и сан вождя (священной персо-

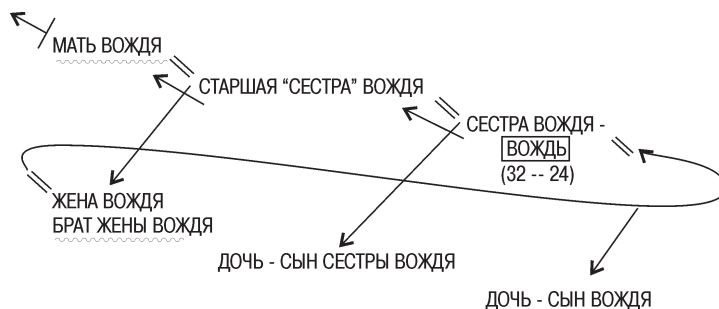

Рис. 25

ны) после его умерщвления переходит к брату его жены (к младшему «брату» вождя), а право — к сыну. Преемник титула — не только брат жены предшественника, но и сын его старшей «сестры». Жена преемника (вводящая его в сан вождя) — дочь сестры предшественника.

При жизни вождя группу женщин старшего колена составляют — мать вождя, мать его жены (старшая «сестра» вождя) и его сестра. Все эти женские персоны — жены последовательно умерщвленных вождей и, соответственно, — матери членов двух старших ступеней младшего колена. Сын вождя наследует титул и сан отца после брата жены отца, и после сына сестры отца (после своего старшего «брата»), т. е. через две персоны. Дочь жены вождя получает статус своей матери (жены вождя) через одну персону, когда становится женой сына сестры отца.

Все эти «комбинации», в отдельной форме, вырванной из живого контекста физической действительности архаических обществ, широко встречающаяся в различных материалах, естественно, не могли найти иного объяснения, кроме отнесения к «древним обычаям», как и сведения об особо социальной значимости перечисленных персон. Достаточно часто исследователями древней истории смена вождя (царя) братом, а не сыном (особенно если предшественник оказывался убитым) излагалась в ярких красках «борьбы за власть», в жестокости брата-«правонарушителя». В системе все это выглядит иначе — как достаточно стройная архаическая традиция, меняющаяся по мере развития общества.

Одним из таких существенных изменений было продление пребывания персоны на посту вождя (40 ← 32 ← 24). Вождь получал вторую жену — дочь своей сестры, а брат жены, так или иначе, «выходил из игры». В случае, когда этнос еще раз продлевал «время» (48 ← 40 ← 32 ← 24), третьей женой вождя становилась его дочь, а сын сестры также «устранялся». В 48 лет даже очень выдающийся вождь выходил во внесоциальный возраст. Весьма возможно, что такие прецеденты со временем привели к упразднению ритуала убийства и к норме пожизненного права. Естественно, что «продление права» меняло и состав младшего колена: а) если счет вести от вождя, то

II-й и III-й статусы младшего колена составляли его физиологические дети; б) если вести счет по женам, то в старшем статусе младшего колена были дети его жены-«сестры», в среднем — дети дочери сестры (т. е. дети племянницы), а в младшем — дети его дочери. Но в представлениях архаического общества этой «путаницы» не было — повторные браки вождя делали его (единожды или дважды) своим младшим «братом», ритуал был еще сильнее «крови» (см. рис. 26).

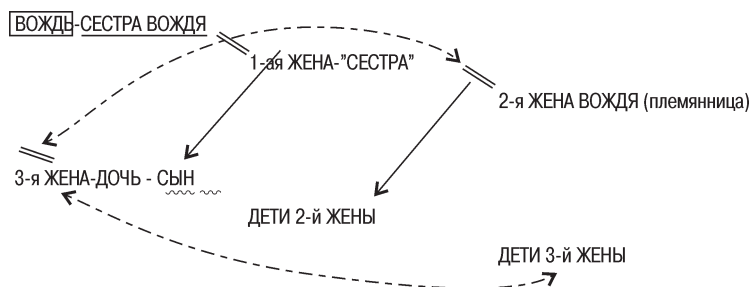

Рис. 26

В идеологической практике архаического общества — и в переходной системе, и в трехступенчатой — главными были «три брачные пары персон», от которых можно предположить развитие права трех «братьев»-*ндугу*, по порядку старшинства наследовавших пост правителя средневековых суахилийских городов-государств. Разумеется, полученная схема (как и предыдущие) не была реконструкцией в узком значении слова, оставаясь только «материализацией на суахилийской основе» логического направления поисков ответа на вопрос происхождения «права трех братьев *ндугу*». Логику поиска направляли не только суахилийские данные, и даже не столько они, сколько рассеянные по этнографическим записям, эпосу, фольклору и летописным документам следы, фрагменты и осколки сведений о «братьях», о странных некогда бытовавших браках, о «необъяснимых» поступках богов и героев, или об их поступках, далеких от современных представлений о нравственности и благопристойности.

Во всей цепи логических построений для меня было бесспорным, по крайней мере, одно: не кровный линейный экзогамный род (связывавший индивидов в правовую систему по принципу физиологического происхождения от других индивидов) был первой формой социальной организации, а постепенно развивавшаяся система социально-возрастных статусов (игнорировавшая индивидуальное физиологическое происхождение) с ее дискретно движущимися реальными группами людей, близких по возрасту, способных к однозначной деятельности в позиции каждого статуса системы и, следовательно — способных постепенно освоить всю конкретную традицию знаний, труда и общественных представлений. С «внешней» точки зрения любой конкретный архаический коллектив, живший по при-

нципам этой системы, был, несомненно, кровнородственным в целом, но его связи были не индивидуальными, а групповыми (что и отражалось в групповом значении каждого термина «родства» в классификационных системах терминов), и группы соотносились не по физиологическому происхождению от других групп, а по возрастно-статусному расположению в отношении к «входящей» в систему (или к «выходящей» из ее активного цикла — безразлично). Трудность заключалась в другом — как логически объяснить переход к принципу социальной организации по индивидуальному кровному происхождению?

Логических путей получалось несколько. Один из них — разделение некогда обширного этнического коллектива по характеру простейшего типа деятельности (охота, собирательство, рыболовство); либо вследствие постепенного освоения исходным коллективом новой зоны с природными особенностями, затруднявшими систематические массовые контакты; либо развитие скотоводства или земледелия, которые надолго «привязывали» части коллектива к отдельным угольям, разбросанным по зоне жизнеобеспечения. В таких условиях, с одной стороны, ослаблялась социальная значимость систематических общезтнических ритуалов, отмечавших момент перемещения возрастных групп по социально-возрастным статусам, которые могли вытесняться таковыми же, но уже проводимыми каждой частью этноса самостоятельно (т. е. выполнявшими уже не роль систематических «хранителей» этнического единства диффузной реальности обширного этноса, а укреплявших более стабильное единство каждой его части). А с другой стороны, в более мелких и относительно стабильных коллективах как бы «высвечивалось» (т. е. не изглаживалось из памяти людей) физиологическое происхождение индивидов на фоне традиции возрастных групп. Еще более мелкое дробление коллективов (с одновременным усилением стабильности совместного проживания) объективно вело к исчезновению четкой социальной роли возрастных статусов (наиболее долго сохранялся ритуал перехода в полувзрослое состояние), а групповые термины родства «приспосабливались» к передаче соотношения кровного происхождения (где игнорировалось уже различие по возрасту), с градацией большей или меньшей кровной близости индивидов этого маленького коллектива к его самым старым индивидам. Такой кровнородственный коллектив только теоретически мог «обосновывать» свое единство ссылкой на мифического предка-прародителя. В условиях индивидуально-кровного происхождения традиционно-обязательная в прошлом форма брака («дочь брата матери» для мужчины и «сын сестры отца» для женщины) реализовывалась только случайно, когда такие родственники были в наличии. Она получила название «предпочтительной» и, естественно, реализовалась без учета некогда обязательного возрастного диапазона между мужем и женой. «Непредпочтительные» браки заключались, види-

мо, с дочерьми двоюродных братьев матери, троюродных... и т. д., соответственно, — с сыновьями двоюродных сестер отца. В принципе, «непредпочтительные» браки могли заключаться (сначала редко, затем чаще) и между представителями различных таких коллективов. Так, вероятно, сложилось представление о «свойстве» (т. е. о родстве через межколлективные браки) двух или нескольких таких коллективов. Естественно, что такие браки сопровождались переходом мужей и жен в чужой коллектив.

Кровнородственные коллективы, обладающие неделимой хозяйственной территорией и сохраняющие как организующую внутреннюю связь классификационную терминологию родства (но уже почти без следов возрастной организации), живущие в одном или нескольких селениях, не составляют редкости в тропических и экваториальных районах Африки. «Счет родства» в таких коллективах, как правило, индивидуально-двусторонний, хотя иногда «преимущественной» считается или линия отца, или матери. По своему существу такие кровнородственные коллективы не были разделены на линейные экзогамные роды, хотя для любого индивида путем опроса можно было выяснить его личную линию происхождения по отцу или по матери (что и отразилось в этнографии как поиски «линьяжей» или «линиджей»). Длительную сохранность подобных кровнородственных организмов, видимо, можно объяснить сохранностью неделимого права на территорию жизнеобеспечения. Естественно, что при таком плавном и медленном развитии хозяйства, постепенно обеспечивавшего возможность вести его все более и более мелкими коллективами, одновременно с уменьшением роли (а, в конечном счете, — с исчезновением) общэтнических ритуалов и священных архаических персон, мелко-коллективные формы таких ритуалов мельчали, меняли внешнюю характеристику, мельчала роль «священных» персон, а сами они превращались либо в скромных «вызывателей дождя», либо в колдунов и знахарей, либо в бродячих сказителей и музыкантов. Члены любого коллектива воспринимали этнические границы главным образом через взаимопонятность (относительная) языков других соседних коллективов.

Другой мыслимый путь смены архаического возрастного принципа организации общественной жизни принципом индивидуального кровного родства можно, видимо, связать с развитием активного хозяйства у этносов, располагавшихся на пространствах, которые не только не препятствовали своими природными особенностями сохранению широкого и массового периодического общения, но и наоборот, «требовали» такового для ускоренного развития все более и более продуктивных форм активного хозяйствования (преимущественно — земледелия), переходящего от экстенсивных приемов к интенсивным, т. е. от циклического использования части территории жизнеобеспечения — к непрерывной эксплуатации всей территории при искусственном поддержании ее плодородия. Такими условиями обла-

дали долины субтропических крупных рек с мощным слоем аллювиальной почвы, богатой гумусом и минеральными солями, и с длительными муссонными или снеговыми паводками, достаточно увлажненные лессовые равнины, и в меньшей степени — береговые полосы теплых морей и океанов с ровным климатом. Эти области и до появления активного хозяйства должны были обладать более плотным населением вследствие обилия плодоносящих растений и богатого животного мира.

Как известно, раньше всего, по шкале абсолютного исторического времени, возможность развития интенсивного высокопродуктивного земледелия и продуктивного стойлово-пастбищного скотоводства получили обитатели долин периодически разливающихся богатейших субтропических рек в результате появления и развития искусственного орошения. Поскольку наиболее простым и древним был способ отгораживания культивируемых участков насыпями и дамбами от разлившейся реки, получалась возможность регулирования количества воды, предназначенной для оседания наиболее плодородного ила (обновление слоя) и для систематических поливов высеянных или высаженных культур. Дальше действовали как минимум два фактора: относительный недостаток культивируемых этим методом площадей, вызывавший споры и ссоры соседствующих этнических групп, с одной стороны, и ненадежность простейших оградительных сооружений перед колебаниями мощности разлива — с другой. Ссоры могли переходить в вооруженные столкновения, столкновения — к объединению нескольких этнических групп, открывавшему возможность создания общими силами более надежных дамб и плотин. Третий фактор был однозначным для всех обитателей любой такой долины — необходимость приводить в порядок, в ожидании очередного разлива реки, все оградительные сооружения.

Нетрудно понять, что в этих условиях изменения архаической возрастной структуры организации общественной жизни шли иным путем и были более интенсивными. Возможно, что вначале также происходило членение исходных этносов на все более мелкие и мелкие производственные коллективы, изменявшее в данном случае архаическую возрастную структуру одновременно в двух направлениях: шло интенсивное разрушение ее вследствие постоянного (при работе на той же площади) общения очень мелких трудовых коллективов, на фоне чего быстро и четко проявились «связи» по физиологическому происхождению каждого индивида, и одновременно непрерывно возрастала общесоциальная роль «священных персон», которые получали все большую и большую (и более сложную) нагрузку по «обеспечению» благоденствия этноса с помощью «аккумулированной» в них «движущей энергии» («магической силы»), которой такому обществу требовалось все больше и больше. Говоря иначе, в массе этноса резко сменялся групповой принцип возрастных связей —

принципом индивидуального кровного происхождения, а в сфере «священных персон» схема принципа возрастного деления принимала, напротив, характер жесткого «кристалла». Отделение от общезнаковой жизни «организма священных персон», видимо, требовало следующих изменений: прежде всего — закрепления сложившихся еще на предшествующем этапе норм избрания «священных персон» (именно как нормы, а не случайности) по физиологическому происхождению от предшественников (при сохранении обычая умерщвления), что автоматически делило потомков «священной персоны» (по объективным причинам, не менее одного и не более четырех за срок статуса — от брачной церемонии до ритуала смерти) на «избираемого» и на «остальных» (может быть, «запасных»). Затем, вероятно, произошло «расщепление» аккумулятивной в «священной персоне» «магической способности» на часть, связанную с необходимыми хозяйству природными периодическими явлениями, и часть, соотносимую с успешным ведением военных действий, т. е. с постоянными ссорами из-за хозяйственных угодий. Это могло привести сначала к продлению срока пребывания «священной персоны» на посту еще на время одного статуса (что отодвигало ритуал умерщвления) с прибавлением (точнее — с заменой) новой функции — приносить военную удачу, что в дальнейшем могло вести к нарушению регулярности ритуала умерщвления и к его исчезновению.

Единственное, что довольно долго сохранялось обществом как условие концентрации «магической энергии» — это традиция права передачи (наследования) статуса «священной персоны» от «брата» к «брату», и от трех таковых к трем их физиологическим сыновьям, рожденных их женами-сестрами. Нетрудно понять, что в численно узкой системе трехступенчатого династического «ствола» практически наиболее частыми вариантами триады мужчин были три двоюродных брата, а их женами-сестрами — их двоюродные сестры.

Несмотря на обычную в исторической науке характеристику политического статуса «священных персон» древних цивилизаций как единовластных политических деспотов, будто бы опиравшихся в такой роли на силу подчиненных им воинств, я не видел в самих исторических материалах возможности реального существования такого положения. Препятствовало многое. Если учитывать не только военно-политическую сферу жизни того общества, но помнить и о постепенно сложившейся и развившейся сложной системе дамб, каналов, водоемов, водорегулирующих сооружений, рано или поздно становившихся единой системой на всей долине, то останется один вывод: каждый «единовластный деспот» должен был бы быть супергениальным существом, чтобы в нужное время отдавать тысячи беспрекословных повелений, ничего не путать, и уж конечно — не давать воли своему «деспотическому» личному нраву. При таком рассуждении исчезал «деспот» и оставалась «священная персона», вообще не касавшаяся реаль-

ных хозяйственных дел, а служившая своеобразным «фокусом» идеологического сосредоточения сил и действий, одновременных на большом пространстве, огромной массы людей, прежде всего для сохранения в исправности системы искусственного орошения. Все прочее — прилагалось. Любой «зигзаг» личной деспотической воли в такой ситуации мог бы легко привести к непоправимой хозяйственной катастрофе.

Несомненно и другое — возникала, развивалась и усложнялась реальная система управления столь сложным хозяйством. Прежде всего, это была иерархическая «коллегия», хранившая и накапливавшая «календарные знания», т. е. внушительную сумму астрономических приемов, природных примет и сведений о возможных временных колебаниях, необходимых для «предсказаний» относительно времени исполнения массовых работ в системе искусственного орошения. Коллегия, которую в специальной литературе обычно называют жрецами. Эта коллегия не могла по своей сущности строиться ни по какому принципу родственных связей, поскольку ее реальная (и очень значимая для общества) деятельность основывалась на способности каждого члена освоить за определенный период времени всю массу накопленных знаний. Здесь присутствовал возрастной принцип, но не в форме условно-возрастных статусов, а в виде иерархии статусов «познавших» (из числа отбираемых способных к познанию). Человек-«деспот» был не более как «рупор», возвещавший достаточно точно рассчитанные повеления иерархов жреческой коллегии, фокусирующий на себе духовно-идеологические (и реальные, во время церемоний и ритуалов, отмечавших начала исполнения жреческих повелений) взгляды этноса. Человек-«деспот» был первым реальным прообразом будущих абстрагированных богов — живым богом. Иными словами, разрастаясь и развиваясь, жреческая коллегия — частично интуитивно, частично сознательно — создавала и усложняла культ живого бога — единственно возможный в столь отдаленное архаическое время способ идеологического управления огромной массой людей.

Жреческой коллегии непосредственно подчинялась параллельно развившаяся, еще более сложная и обширная, система практического управления всеми группами людей, создававшими материальный продукт сложного единого хозяйства и обеспечивающих надлежащее состояние защитных и оросительных сооружений. Это была иерархия чиновников, начальников, писцов различных рангов (поскольку без письменности и определенного уровня развития такого хозяйства было невозможно ни удержать в человеческой памяти накопленных знаний, ни охватить взором все сферы деятельности этноса), которая «наблюдала» за деятельностью трудовых групп, сформировавшихся по роду деятельности (которые, видимо, также составляли иерархию по значимости занятий) вследствие глубокого разделения труда.

Несомненно, что реализация управления, по мере его усложнения, все более и более опиралась на возросшую военную организацию — особую профессиональную часть населения, имевшую свою иерархию военачальников, высший уровень которой, как и у чиновников, смыкался с жреческой коллегией. В массовых операциях военной организации, т. е. во время защиты от внешнего врага или похода на соседей, успех идеологически «обеспечивался» тем же живым богом — «деспотом».

Ранние этносы древнейших цивилизаций обладали двумя особенностями, которые не были характерными для этносов более поздних цивилизаций — это естественная узость и вытянутость территории и столь же естественная четкость границ. Вытянутость территории создавала особую характеристику общезнатического языка — он неизбежно состоял из множества диалектов, взаимопонятных в соседстве, совсем непонятных по концам, а четкость границ достаточно заметно выделяла его даже из среды генетически родственных языков. Видимо, эта специфика языка отразилась в иероглифических письменностях древних цивилизаций — все они были приспособлены для различного звукового чтения при сохранении смысла текста, т. е. у них не было единого для всего этноса звучания, как не было и отражения диалектных расхождений в грамматике. Поэтому в письменных материалах, дошедших от более поздних стадий, когда утверждалось алфавитное письмо, архаические общезнатические языки выглядят перегруженными множеством принципиально однозначных форм и в лексике, и в грамматике, нередко трактуемых как следы исторического изменения языка. Эту особенность очень важно учитывать, поскольку слишком часто факт существования ранней иероглифической письменности считают признаком наличия в архаическом обществе классов и государства. По-видимому, все было гораздо сложнее, хотя нет нужды сомневаться в том, что развитая система письма соответствует означенной характеристике общества.

В действительности, задолго до появления классов и государства у этносов, начавших создавать первые на земном шаре цивилизации в заливаемых долинах больших субтропических рек, появился вполне реальный деспот. Он появился с первых шагов людей, предпринятых с целью использовать половодье в хозяйстве, и далее все менее проявлял свое могущество. Этим деспотом была развивавшаяся и совершенствующаяся система сооружений искусственного орошения. С одной стороны, она давала непрерывно растущее увеличение результатов хозяйственной деятельности, а с другой — уже от первых, еще разрозненных этнических коллективов, неуклонно требовала исполнения определенных работ в жестко диктуемые моменты времени.

В развитии любой древней оросительной системы, использовавшей длительный паводок долинной реки, было несколько стадий. Кроме того, на протяжении нескольких тысяч лет постепенно уменьшалась общая влажность

всей полосы северных субтропиков с одновременным повышением летней температуры. По-видимому, неолитическое население этой климатической зоны было главным образом скотоводческим, а земледелие занимало малый объем. В какой-то период, в процессе изменения климата, земледелие начало концентрироваться по берегам больших рек. Сначала, видимо, оно мало чем отличалось от раннего земледелия территорий с муссонным увлажнением, т. е. зерно бросали в жидкую грязь отступавшего паводка, затаптывали, прогоняя скот, и ждали урожая. Отступавший паводок оставлял много луж и прудов, где в углублениях почвы какое-то время еще сохранялась вода. Эти места быстро зарастали болотными растениями, так что мест для земледелия было мало, да и они большей частью скоро высыхали, покрываясь твердой коркой высохшей глинистой земли. Культивируемые растения должны были обладать известной засухоустойчивостью и коротким периодом вегетации, что, как правило, сопряжено и теперь с мелкозернистостью и малой питательностью.

Таковой представляется самая ранняя стадия земледелия в долинах больших субтропических рек. Единственная вариация касалась мест, где комбинировалось паводковое и муссонное увлажнение. Там очень рано могло возникнуть хозяйство с двумя последовательными посевами влаголюбивых и засухоустойчивых растений. Переход к расширению возделывания более продуктивных влаголюбивых растений (или оттеснение засухоустойчивых более требовательными к влаге видами) было возможным только путем защиты пространства для посевов земляными насыпями на неглубоких местах разлива. Так, видимо, создавалась возможность периодически пропускать воду на поле, поддерживая нормальное развитие растений. Естественно предположить, что таких поливных полей становилось все больше и больше, и что они все более и более приближались к руслу самой реки. Вот тут и возникла необходимость в объединении усилий как можно больших коллективов. Дело в том, что время разлива можно так или иначе «вычислить», а вот «предсказать» его интенсивность не всегда могут и специалисты наших дней. Земляные запруды, которые могли соорудить небольшие коллективы людей, тем чаще смывались разливом, чем ближе к руслу их строили, а это либо снижало размеры засеваемой площади, либо совсем лишало возможности сеять. Сейчас трудно сказать, сохранялись ли к таким временам исходные (т. е. сохранившиеся со времени заселения прибрежных земель) единства разноэтнических по происхождению групп (исходные различия естественны вследствие значительной протяженности долин больших субтропических рек). Если и сохранялись, то, видимо, как большее или меньшее сходство локальных диалектов и, возможно, в виде формировавшейся и крепнувшей локальной иерархией священных персон («вызывателей» разлива реки).

Следующим этапом в развитии ирригационных сооружений, несомненно, было создание на протяжении долины нескольких комплексов

усиленных дамбовых сооружений, препятствующих смыву менее надежных плотин, которые «делили» поля отдельных коллективов соседей (общин). Эти дамбы тянулись непосредственно вдоль русла реки, а по краям отсекали хозяйственное пространство до незаливаемого высокого берега долины. В доленой части дамбы устраивали защищенные от размыва отверстия на различной высоте, которые (когда требовался полив) открывали соответственно высоте уровня паводка за пределами дамбы (т. е. в русле реки). Паводковые воды в субтропических реках стоят на высоком уровне несколько месяцев, и в это время дамбовые сооружения позволяли поддерживать необходимую влажность полей почти без затраты какой-либо энергии, вся масса труда была связана с возведением дамб и их ремонтом перед очередным разливом. Но климат неуклонно менялся в «сухую» сторону, и паводки становились ниже. Полив, регулируемый самотеком, уменьшался, что сокращало орошаемую площадь.

Возможно, следствием стремления преодолеть негативный эффект понижения высоты паводков и было создание сплошных дамб по обоим берегам реки на протяженности всего ее земледельческого района (в литературе по истории Древнего Востока это обычно излагается как «объединение долины под властью того или иного повелителя»). Но эта стадия в развитии ирригации только обеспечивала большую надежность сооружений, создавала стабильность хозяйства, но иного экономического эффекта не давала. Чтобы в новых природных обстоятельствах вернуть (и даже расширить) прежние площади полей, стали создавать углубленные водоемы, куда по огороженным каналам напускали воду в момент кульминации паводка. Полив полей из водоемов (нередко соответствующее слово переводят как «колодец») требовал не только дополнительной работы, но и простых механизмов для поднятия воды. Появилась необходимость в продолжительном неквалифицированном монотонном труде.

Видимо, с этой фазой развития ирригационной системы начиналось и ускоренное развитие дифференциации материальных жизненных благ по группам населения, занятых в различных сферах производства и в аппарате управления хозяйством, как и в сфере идеологического управления обществом, где появилась потребность в грандиозных культовых сооружениях и необходимость абстрагирования от живых (смертных) богов — богов «вечно живущих» и более могущественных, т. е. необходимость в религии, в соответствии с развитием классового характера общественных отношений. Таким образом, магическая способность, приносящая обществу благоденствие, была отторгнута от «священной персоны». Но одновременно усилилась «обязанность» этой персоны магически обеспечивать военные мероприятия: живой бог постепенно превратился в верховного сакрализованного военного вождя.

Есть основания считать этот процесс не таким уж быстрым, полным противоречий и внутренней борьбы, а результаты его — неоднозначно воспринимаемыми разными группами населения. Его отражение в мифологии обычно выглядит как борьба «вечно живущих» богов между собой и с фантастическими чудовищами, сквозь которую едва просвечивают реальные изменения в традиции воспроизводства «священной персоны» (т. е. живого бога) прошлых стадий развития архаической идеологии. И всюду изменения шли однозначным порядком: трехступенчатая система физиологического воспроизводства священной персоны «теряла» младшую ступень, после чего в напряженной борьбе между двумя оставшимися богами происходил переход от «права братьев» к праву «отец-сын». В новой идеологии, в идеологии классового общества, т. е. в самой религии, рекламировался и утверждался миф, по которому «отец» оказывался богом небесным, а «сын» — его человеческим воплощением на земле — царем, индивидуализированным фокусом государственной управленческой структуры, держащей в равновесии общество в его неравноправной и разноимущей иерархии социальных слоев.

Государственная машина и высшие слои общества тем более становились эксплуататорскими, чем шире новая система орошения из водоемов заменяла уходящую в прошлое систему полива с оградительными дамбами. Новая система позволяла получать урожаи почти круглый год, расширять площади посевов далеко за территорию заливаемой части долины, но на все это требовался труд людей, труд подневольный, независимо от их социального статуса — статуса раба или свободного труженика. Практически во всех древневосточных очагах цивилизации классовый характер общества оказался связанным не с развитием частного права на земельные угодья, а с развившимся государственным правом на воду для орошения полей. Эта последняя стадия в развитии орошаемого земледелия в долинах больших субтропических рек уже не требовала организации единовременных работ огромной массы людей. Содержать в порядке оросительные водоемы и каналы было намного проще, чем древние защитные дамбовые сооружения (которые за ненадобностью со временем разрушились, и современные географы считают их остатки естественными, как сами реки), но еще долго сохранялась теперь уже ненужная древняя структура управления ирригационными работами (как и структура идеологического обоснования их необходимости), бессмысленным бременем лежащая на плечах создателей материальных ценностей и жизнеобеспечения. Внутригосударственные классовые выступления и непрерывные внешние войны правителей, сопровождавшиеся неизбежными разрушениями ирригационных сооружений на фоне продолжавшегося изменения климата в сторону большей сухости, постепенно привели высокую культуру очагов древневосточных цивилизаций к упадку, а социальную структуру к глубокой неустойчивости.

Примерно так, кратко и в основных чертах, можно описать этноисторические обстоятельства, в которых происходило развитие и исчезновение второй «крайней» линии «права братьев», где переход к праву «отец-сын» завершился за тысячу лет до нашего времени. Ясно, что все это было неразрывно связано с характером природной среды, позволившим необычно рано поднять неолитическое активное хозяйство на чрезвычайно высокий уровень экономической отдачи и простейшего технического совершенства. Что же касается первой «крайней» линии развития «права братьев», о которой было кратко сказано раньше, то медленное, даже крайне медленное развитие и незавершенное полностью к нашему времени вытеснение возрастной социально-организующей системы нормой кровнородственных связей с ограниченным использованием классификационной терминологии родства столь же явно связано со спецификой активного (т. е. земледельческого и скотоводческого) хозяйства в зонах тропиков с муссонным дождевым увлажнением. Главных «деталей» этой специфики, служащих причиной замедленного развития хозяйства, три: бедные гумусом, хотя и в разной степени, латеритовые почвы; не поддающиеся регулированию для орошения ливни влажного сезона и слишком высокая солнечная радиация, делающая бессмысленным внесение в почву органических удобрений (навоза). Естественным потолком развития традиционного хозяйства в этой зоне явились две его формы, достаточно уравновешенные в экологическом отношении (до колониального раздела) с природой саванн и с природой тропического леса. И одна, и другая форма хозяйства объективно не допускает сколько-нибудь значительной плотности населения на единицу площади хозяйственных угодий, иначе говоря, требует огромных площадей для ведения на них переложного экстенсивного земледелия с большим временным перерывом (то же самое верно и для отгонного скотоводства), где плодородие почвы (или травостой) восстанавливается вследствие «отдыха» использованной территории, т. е. естественным путем.

В тропических лесах, несмотря на значительный по толщине рыхлый слой гумуса, земледелие возможно только на небольших вырубках, а значительные по площади вырубки неизбежно ведут к смыву гумусного слоя в сезон дождей. Кроме того, размеры вырубок определяются способностью леса «затягивать» эти раны, чтобы площадь можно было через несколько лет использовать повторно (легче вырубать молодые деревья). Здесь не сеют злаковых культур, ограничиваясь корнеплодами и бобовыми, культивируют плодоносящие деревья. Селения в этой зоне стабильны, они большей частью крупные, расположены в центре огромной площади потенциальных угодий, по которой разбросаны культивируемые в данное время участки. Несомненно, что до колониального раздела в каждом месте была своя традиционная схема порядка и времени переноса земледельческих работ на новые участки (схема принципиально замкнутая). Скотоводство в тропическом лесу невозможно.

Зона экваториального леса вообще не пригодна ни для скотоводства, ни для земледелия, ее очень редкое население — малочисленные группы охотников и собирателей. Лесные зоны вообще, независимо от их расположения на земном шаре, видимо, заселялись относительно поздно, не ранее неолитического времени, а возрастающая разобщенность содействовала скорее упадку предшествующих социальных структур и материальной культуры, чем прогрессивному их развитию.

Что же касается открытых пространств, увлажняемых периодическими муссонными дождями, т. е. имеющими в течение года продолжительные сухие и жаркие сезоны, то скорость развития активного хозяйства здесь зависела больше всего от характера почв, при этом система земледелия, и в его максимальном развитии, большею частью сохраняла переложный принцип с тем более длинным разрывом вторичной обработки, чем беднее была почва. Видимо, принципы ведения земледельческого, как и скотоводческого, хозяйства сложились в основных чертах еще в конце неолитического времени и не претерпели существенных изменений в связи с освоением обработки металлов — это сделало только более успешными охотничьи предприятия во время сухих сезонов, которые, впрочем, играли далеко не второстепенную роль в жизнеобеспечении даже у скотоводов, вследствие малой продуктивности отгонного скотоводства.

Социальные же структуры населения этих районов, скорее всего, пребывали в кульминации своего развития в конце неолитического времени, затем столь же медленно, как шло развитие активного хозяйства, приходили в упадок и разрушались, точнее, теряли «нужность» и четкость. От системы возрастного деления дольше всего сохранялся статус охотников-воинов (статус неженатых юношей), возможно, по той причине, что место приложения их главной деятельности — саванна и заросли — оставались все теми же общезнаменными пространствами, какими они были раньше. Однако, бывшая четкость возрастных границ постепенно размывалась, сохранился только принцип — «до брака». В определенных обстоятельствах часть этих юношей осуществляла так называемую миграцию переложно-земледельческого хозяйства, т.е. после женитьбы селилась на месте «нового» участка, часть оставалась в прежнем селении, перенося на «новое» место только работу. Некоторые особенности в поведении этих отрядов мужской молодежи создавались нестабильностью переложно-циклического земледелия или отгонного скотоводства в муссонных зонах. Иногда несколько лет подряд снимали хороший урожай или происходил обильный приплод скота. В такие годы сокращалась детская смертность, что со временем давало относительную перенаселенность. Можно было предположить и другое — даже медленное развитие активного хозяйства, ограниченного в этом процессе качеством природной среды, все же достаточно увеличивало жизнестойкость человека, что выражалось в постепенном

нарастании избытка населения по сравнению с пространственным увеличением, допускаясь экологически «вписанной» системой экстенсивного большециклического хозяйства.

Сейчас под экстенсивностью в любом деле понимают его характеристику как развитие за счет пространственного расширения без внутренних изменений, а интенсивность — как развитие внутреннее, без пространственного расширения. Для архаических форм хозяйства такое понимание не подходит вследствие чрезвычайно жесткой связи хозяйства и природной среды. В таком случае интенсивность характеризуется необходимостью не менять хозяйственные площади (независимо от возможности их расширения), а экстенсивность оказывается необходимо сопряженной с циклической сменой рабочей площади при невозможности искусственного возмещения потери плодородия. В последнем случае складывается традиция более или менее широкого многогодичного цикла переложности, сокращение которого ведет к неизбежному общему истощению почв пространства, пригодного для ведения хозяйства.

Существует еще один вариант развития интенсивного хозяйства, но он был возможен только в зоне умеренного (или на грани субтропиков) климата с равномерным дождевым или снегодождевым увлажнением и при наличии плодородных или относительно плодородных почв. В таких природных обстоятельствах рано или поздно складывалось хозяйство с интегрированной связью животноводства и земледелия, когда плодородие восстанавливалось (и даже улучшалось) внесением органических отходов животноводства (навоза), а продуктивность скота поднималась стойлово-пастбищным его содержанием на специально выращиваемом корме. В таких обстоятельствах шло достаточно быстрое разделение общезнаменитой хозяйственной площади сначала на угодья, находящиеся в распоряжении кровных однолинейных экзогамных правовых коллективов, т. е. кровных патриархальных родов (достаточно быстро и рано в таких хозяйственных условиях сменивших общезнаменитые архаические возрастные структуры). Затем угодья разделились на семейные, т. е. находящиеся в распоряжении реальных единиц рода как правового феномена (несущественно, больших или малых семей).

Таким представляется далеко не всеобщий (как это считали и считают многие современные историки и этнографы), а довольно четко локально ограниченный определенной зоной природных условий путь развития некоторых этносов от глубоко архаической возрастной структуры организации социальной жизни и деятельности на неделимой общезнаменитой территории — к праву кровного рода на родовую территорию и иное родовое имущество, и далее — к индивидуальному (опосредованному сословной принадлежностью) частному праву земельной собственности. В процессе этой линии развития архаического права классификационная

система терминов родства довольно быстро теряет групповое значение терминов и превращается в «описательную», т. е. с индивидуальными отношениями родственников по физиологическому происхождению. Есть достаточно оснований считать, что смена социально-правовых структур, в условиях сравнительно позднего, но стремительного возникновения малых хозяйств с интенсивным земледелием и интегрированным животноводством, шла через систему «трех братьев», остающихся в хозяйстве, и «остальных братьев», уходящих осваивать новую территорию или захватывать силой чужую, уже освоенную.

Внешне это напоминало обстоятельства, сложившиеся много раньше, например, в экваториальной зоне Африки, но было и существенное различие. В экваториальной и субтропической зоне экстенсивного циклично-переложного хозяйства бродячие отряды «лишних» юношей воинов-охотников, живших грабежом, угоном скота и охотой, через определенный срок оседали, приобретая жен, и принимались за малопродуктивный труд в том же экстенсивном варианте традиционного хозяйства, не имеющего перспективы развития. Часть детей, вырастая, нередко повторяла историю отцов, и так — многие столетия. Отряды бродячих воинов воевали между собой, нередко побежденные присоединялись к победителям, и после нескольких таких побед возникало общинное воинство. Традиция возрастных молодежных групп со своими вождями как бы «оживала», придавая воинству четкую стройность, а главному (первому) вождю — некоторую сакральность, возроставшую с каждой очередной победой. Одни группы воинов уходили, чтобы заняться хозяйством, другие, молодые, приходили, чтобы под «магической сенью» великого вождя пройти «экзамен на зрелость». На обширной территории возникало постоянно существующее воинство из неженатой молодежи, и эта территория оказывалась как бы под властью этого воинства — не вождя, а именно воинства, поскольку не он повелевал ими, а они вели его с собой для «магического» обеспечения победы. Однако, эта «власть» не создавала отношений господства и подчинения, т. е. господства неженатых воинов над людьми, состоящими в браке и ведущими хозяйство (по существу, бывших представителями почти тех же этносов, что и юноши-воины), как не создавало и имущественного различия.

Обширное воинство переставало грабить «подвластную» территорию, понимая, что это место будущего приложения их же «взрослой» деятельности, и даже принимало участие в общественных работах, положенных юношам. Набеги совершали на соседей, оберегая «свою» территорию от таких же аналогичных вторжений. Кроме относительного спокойствия для занятия хозяйством, никакой другой экономической выгоды такая ситуация не давала, она только стабилизировала продуктивность существующего экстенсивного хозяйства. Обычно такая ситуация держалась не более двух

десятков лет, когда со смертью «великого вождя» распалось и обширное воинство. Но в некоторых местах эта «комбинация» сохранялась в течение сотни лет и более, вероятно, в результате подчинения обширным воинством территории с лучшими землями и довольно продуктивным, хотя и экстенсивным, хозяйством. Такая территория, как и любая другая, подвергалась набегам малых отрядов бродячих воинов и отрядов юношей-воинов соседних этносов, но подвергалась много чаще (было что грабить); и «завоевание» ее многочисленным могучим отрядом, способным прекратить внешние мелкие набеги, объективно оказывалось благом. Воинство не создавало экономического бремени, хотя и не приносило экономического прогресса. Этнос (или этносы) не только принимал «покорителей», но и находил способы закрепить на долгое время сложившуюся ситуацию. Так, «великий вождь» (поначалу — вождь, избранный «лишними юношами» из своей среды, т. е. тоже «лишний») включался в традиционную практику воспроизводства персоны «вызывателя дождя», т. е. его женили на дочери такого «вызывателя».

Эта акция сама собой как бы оживляла порядком ослабленную временем и хозяйственной дробностью этноса былую социальную значимость «священной персоны». Некоторый элемент «сакральности» считался присущ каждому вождю юношей-воинов или охотников, но он благотворно действовал, как считалось, только на их занятия, а в новой ситуации его «усиленная магическая способность» должна была оказывать благотворное влияние на все дела всех этносов, оказавшихся под его «властью». По сути дела, этим путем «завоеванные» этносы, т. е. некая обширная территория, создавали для защиты этой территории объединенное, не распадающееся, сильное воинство из своих неженатых юношей. Сакрализованного военного вождя (врожденную «священную персону») теперь не сменяли, как в древности, в ритуале убийства, но по его смерти передавали сан кровным потомкам предшественника — сыну или брату (иногда восстанавливалось право «трех братьев», если традиция сохраняла о нем память), а если таковых не оказывалось, — то сыну сестры или брату жены. Из многих сыновей сан передавали тому, кто в момент смерти военного вождя по возрасту подходил к «праву жениться», т. е. не к старшему по рождению, а к вступающему в возраст мужчине. Сакрализованный военный вождь не становился вождем-правителем в обычной хозяйственной или иной деятельности, здесь ему никто не подчинялся — да и во время военных операций, по сути дела, тоже. Во время боя каждый отряд юношей беспрекословно подчинялся своему реальному вождю (воинство сохраняло стройность и строгость деления отрядов по этническому принципу, точнее, по локальному, ибо и до образования конгломерата «племен», и после, этнические границы были расплывчатыми и нечеткими), под руководством которого они проходили военную юношескую выучку. И эти вожди никакой власти вне юношеских военных отрядов не имели.

При длительном сохранении этнического конгломерата с общим воинством, особенно если его территория была велика, возрастала социальная значимость локальных «вызывателей дождя», «колдунов», которые составляли при персоне сакрализованного вождя нечто вроде «коллегии жрецов» при священной персоне (живом боге) древних цивилизаций. Эта «коллегия колдунов» обладала действительно некоторой властью, так как по их «предсказаниям» все воинство или часть его отправлялась в набег на соседей или выступала в поход против вторгшегося врага, они же избирали «наследника» сакральной персоны. Известной «властью» отправиться в набег обладало само воинство; выступать на защиту территории никто не приказывал — это было неукоснительным долгом возраста воина. Длительное существование конгломерата создавало в известной степени новый обширный этнос, что выражалось в распространении общего языка (если до образования языка были разные, или были очень различающиеся диалекты), чаще всего им становился тот язык, на котором предпочитали общаться воины. При небольшой территории конгломерата юноши-воины жили в одном лагере вместе со своими вождями и сакрализованным военным вождем. Если территория была большая, таких лагерей было несколько, и в одном из них находился сакрализованный вождь со своими женами и детьми. Юноши не только обучались владеть оружием, охотились или ходили в военные походы; они пасли скот или участвовали в сезонных общественных работах (вырубка зарослей на готовом к повторному использованию участке, первичная обработка поля тяжелыми мотыгами, сбор урожая и др.). Остальные работы — дальнейшая обработка полей, посев, прополка — исполнялись женатыми мужчинами и их женами, подростками и молодыми девушками, частично коллективно на полях своего селения, частично на более мелких «семейных» участках. Через три-четыре сезона культивируемое пространство истощалось, и его оставляли, а возвращались снова через 5–7, в некоторых районах через 20–30 лет. Даже выделение из общехозяйственной практики некоторых общезначимых ремесел (производство глиняной посуды, металлов, даже такого продуктивного, как железо, обработка дерева и кости для обрядовой практики) и широкий обмен продуктов такого труда не вели к имущественному расслоению общества. Были места, где конгломерат с единым воинством существовал сотни лет, где исходные этносы сливались в один большой этнос с одним общим языком и одной формой экстенсивного циклического хозяйства, где территория делилась только по локальному принципу (эти единицы этнографы и историки обычно называют «провинциями»), где складывался иерархический аппарат администрирования повседневной деятельности жителей «провинций», действиями которого управлял особый «совет» при особе «короля», состоявший из пожилых уважаемых людей; где иногда сакрализованная персона «раздваивалась» на собственно сакральную личность, имевшую

только сакрально-магическое назначение, и менее сакрализованного верховного военного вождя. И все равно — экстенсивный характер хозяйства, лишенного природой возможности для дальнейшего экономического развития, препятствовал возникновению эксплуатации, имущественного неравенства, возникновению классов, образованию государства (хотя внешняя сложная стройность системы стабилизации жизни такого общества и подвигала многих авторов видеть в таких структурах чуть ли не «идеальное государство»). Естественно, что первые европейцы, оказавшиеся в подобном «государстве», удивлялись четкости его структуры, слаженности жизни населения, они приходили в изумление, наблюдая отношение «подданных» к священной персоне «короля», которого носили на специальном «троне», перед которым все падали ниц и т.п. Редко кто хотя бы кратко упоминал в своих записках о том, что столь почитаемый «государь» не имел права ни отнять землю у «вассала», ни наделить ею. Более того, в этих «королевствах», как и у менее организованных малых этносов, вообще не было никаких форм частной собственности на земельные угодья из-за невозможности непрерывной их эксплуатации. А отсутствие частного землевладения (в том числе и права имущего кровного рода или сословно-феодалного права) препятствовало развитию имущественного неравенства и эксплуатации чужого труда.

Таким образом, сам собой возник вывод, что перестройка глубоко архаической социально-возрастной системы организации всей общественной жизнедеятельности, т.е. замена принципа возраста на принцип кровного родства (индивидуально-физиологического происхождения) была связана не столько с экономическим прогрессом хозяйства, сколько с возникновением, по разным причинам и в разное время, все уменьшающихся и все более стабильных реальных производственных коллективов, где на фоне возрастного деления не терялась память о реальных породителях индивида. И в любом случае, когда бы и как бы ни происходил этот переход, была неизбежной (короткая или длительная, четкая или расплывчатая) стадия права «трех братьев», т.е. стадия кровнородственного социального организма, в котором совмещались и черты уходящей системы, и черты развивающейся — черты будущего кровного линейного экзогамного рода как правового феномена.

Само право «трех братьев» именно и порождалось необходимостью сохранения старых социальных традиций при появлении учета физиологического происхождения. Это понять относительно просто. Если обратить внимание на то, что во время полного действия максимально развитой возрастной системы каждая женщина обретала право-обязанность рожать детей, в связи с ее переходом из второго возрастного статуса в третий, то станет очевидным вступление ее первенца в фазу социального полноправия, т.е. в такой же статус, как раз тогда, когда она сама перейдет в последний

социально-активный возрастной статус. Из следующих детей этой женщины в ту же возрастную группу, где оказался ее первенец, войдут еще двое-трое (за 7 или 8 лет продолжительности возрастного статуса), остальные ее дети окажутся в других возрастных группах. Формально-арифметически эта женщина, выходя во внесоциальное состояние (т.е. из VI статуса), в возрастной группе своих социальных детей вроде бы должна иметь не менее 9 физиологических внуков, однако большая детская (и не только детская) смертность в архаические времена сильно сократит эти цифры. В реальности, в случае стабильности у нее будет не более 2 физиологических детей в статусе начала полноправия и не более 2 физиологических внуков в статусе вхождения в социально-активную фазу (т.е. в возрастной группе ее «социальных детей»). Говоря иначе, совпадение понятий «социальные дети» и «родственники по крови» на фоне возрастной системы довольно ограниченно идет по линии «физиологические деды и внуки», между которыми (с соответствующими статусными диапазонами) располагаются физиологические дети первых. Они же — родители вторых, а стабильные цифры таковы: на брачную пару дедов — двое детей и двое внуков. Отсюда — мыслимые усредненные комбинации. Например, если считать, для простоты восприятия, по женщинам, они следующие: а) три физиологические сестры порождают по одной дочери, из которых только одна рождает троих дочерей (во всех случаях имеется в виду время одного статуса); б) из трех сестер одна рождает одну дочь, а другая — двух, одна из которых в свою очередь рождает троих; в) каждая из трех сестер рождает по одной дочери, которые затем поступают так же. Далее можно представить и другие аналогичные комбинации.

Таким образом, внутри действующей возрастной системы, соблюдая ее нормы, кровнородственные связи могли оформиться только как структура из трех брачных пар (т.е. три родные/двоюродные сестры и их мужья — три родных/двоюродных брата), порождающих три брачные пары общих потомков, и т.д. (с сохранением обязательной нормы брака — каждый «брат» вступает в брак с младшей «сестрой»). Так трехступенчатый кровнородственный коллектив мог быть выделен архаическим этносом для особого воспроизводства «священных персон», при сохранении для всех остальных возрастной системы. В ином случае, весь этнос за какое-то время мог распасться на подобные кровные организмы, что неизбежно вело этнос к своеобразному делению на «полноправных» (членов трехступенчатых «родов») и остальных, т.е. не иницируемых потомков «полноправных», рожденных ими после трех первых детей. Если учитывать чрезвычайно низкую выживаемость, характерную для архаического общества, то становится понятным, что в стабильном его состоянии, в появившихся трехступенчатых кровнородственных структурах (в среднем) по сути дела не могло быть «лишних» потомков. Но объективно возникла другая особенность — три

пары потомков (идеальный вариант) трех брачных пар родителей не укладывались, по их реальным возрастам и по полу, в традицию «порядка» возрастных групп, т. е. возникали комбинации с «избытком» и «недостатком» по полу, а улучшенная выживаемость в столь узком коллективе нарушала возрастную стройность следования потомков. Видимо, именно эти «нарушения» и вызвали, с одной стороны, переход к счету по порядку рожденных детей (независимо от пары родителей), а с другой, — «обмен» между такими коллективами «по полу» для «выравнивания» брачных пар (т. е. появился зародыш идеи экзогамии).

Эти сложности в какой-то мере, видимо, компенсировались сохранением в трехступенчатых структурах ранее установленной традиции возраста, дающего право на брак (около 15–16 лет для женщины и около 22–24 лет для мужчины), что сохраняло до некоторой степени возрастное соответствие потомков с возлагаемыми на них обязанностями. Другим компенсирующим явлением, несомненно, оказывалось появившееся особое право каждого такого коллектива если не на «владение» отдельными хозяйственными угодьями, то, по меньшей мере, на обладание урожаем или скотом, т. е. право обладания отдельным «запасом жизнеобеспечения». Можно было подойти к этому вопросу и еще с одной стороны. Мужчин можно до поры до времени не учитывать, поскольку, будучи физиологическими родителями, они не являются родителями физически. Следовательно, речь должна идти о женщинах. Так, например, «идеальная» архаическая женщина за весь период способности рожать (от 14–16 до 30–32 лет, из-за малой продолжительности жизни) могла родить около 8–12 детей. Но большинство их умирало в грудном возрасте, т. е. еще до вступления в первый социально-возрастной статус. Кое-кто умирал во время второго статуса, после которого дочери получали право рожать. Возникал вопрос: Сколько дочерей (если считать, что их была половина, т. е. 4–6) доживало до этого права? Ответ ясен — не более одной, по среднему счету. Для архаической возрастной системы было безразлично, какая из дочерей (абстрактной, да и конкретной) женщины доживет до брачного возраста — первая, восьмая или двенадцатая; система была безразлична к физиологическому происхождению.

Важно было другое — «абстрактная женщина» для численной стабильности должна была породить не менее одной женщины, способной к деторождению. Если на долю «абстрактной женщины» приходилось 0,9 такой дочери, происходило численное уменьшение; если — 1,1, то, наоборот, увеличение. Из этого следует, что вытеснение возрастной системы трехступенчатыми кровнородственными структурами, по существу, ничего не меняло в жизни архаических этносов, но открывало правовую возможность (в случае численного увеличения) поддерживать стабильную численность в соответствии с наличной площадью активного хозяйства (земледелия или

скотоводства). Это достигалось тем, что все дети старшей триады брачных пар, точнее — дети женщин этой триады, рожденные ими после первенцев того и другого пола, считались «вне права», «лишними», и если в этносе таковых (подходивших к брачному возрасту) выживало много, именно они должны были уйти искать новые места, пригодные для ведения активного хозяйства (или обрести их иным путем, например, силою оружия). Все известные сведения о подобных «исходах» связаны с группами юношей, что может указывать не на то, что девушки («лишние») уходили с ними редко, а скорее на то, что улучшение жизненных условий увеличивало рождение детей мужского пола и их большую в таких обстоятельствах выживаемость. Следовало учитывать, что рождение «абстрактной женщины» 2 доживших до возраста деторождения дочерей, то есть «удвоенно-абстрактной женщины», вело к катастрофическому увеличению численности, что едва ли могло выдержать, без массового «исхода» молодежи населения, даже быстро развивавшееся интенсивное хозяйство с поливным земледелием.

Возможно, что именно такими обстоятельствами, и очень рано, было порождено еще доклассовое деление общества долин паводковых субтропических рек на часть, занятую поддержанием в порядке дамб, плотин, каналов и водоемов; на занятую в учете и распределении полученного урожая и в других административных делах; и на часть населения, которая непосредственно выполняла все физические работы. Такая ситуация объективно соответствовала сохранению традиции обучения (уже не по возрасту, а по способностям, вследствие быстрого увеличения объема необходимых знаний) для одной части общества, и невключению в эту традицию другой его части. Другим словами, так могло происходить деление общества, еще вполне архаического по структуре, на «полноправных» — связанных главным образом с водообеспечением, — и на «неушедших лишних» — деятельность которых была связана с землей, с освоением все большей и большей хозяйственной площади. В то же время, в тех условиях, где «лишним» приходилось уходить, на новом месте деятельности они воссоздавали без изменений структуру того общества, из которого вышли, поскольку переход на новое место не мог ничего изменить в способе ведения хозяйства и не менял его экономической отдачи.

Кроме этих вариантов, естественно предполагать и иные, когда «лишние» бывали вынуждены селиться на пространствах, вообще не пригодных для ведения активного хозяйства в его архаических формах, например, уходить по течению рек в глубину лесных массивов, проникать в узкие горные долины и ущелья, заселять берега морей, океанов и больших озер. Заселение таких мест в неолитическое время неизбежно сопровождалось утратой слабых форм активного хозяйства; оставались охота, рыболовство, собирательство. Более того, непрерывно возрастающая по мере удаления от

ного права не на земельные угодья, а на воду для орошения полей и для скота. Как правило, в данном случае права феодалов опирались на военную силу политического повелителя («хана», «султана», «магараджи» и т. п.) обширных, стремительно растущих, но неустойчивых «империй», нередко распадавшихся на третьем-четвертом наследнике завоевателя-организатора. В борьбе наследников за власть, в их спорах иногда можно усмотреть фрагментарные следы «права братьев». Как и в Европе, земледельцы противопоставляли стремлению знати и феодалов к полному их порабощению — организацию соседских общин, но, в отличие от Европы, с более развитой памятью о довольно широком кровном родстве.

Эти различия в значительной мере связаны с тем, что для Европы характерно равномерное снегодождевое увлажнение, требующее в хозяйстве строгого календарного учета работ и, таким образом, принципиально не ставившего преграды для ведения хозяйства минимальным коллективом, тогда как в засушливых районах Азии хозяйство непосредственно зависело от возможности людей тем или иным способом организовать или создать увлажнение, что нереально для минимального коллектива. По мере развития классовых отношений в обществе и Европы, и Азии в равной мере разрушались архаические формы социальных связей, и происходила замена архаического возрастного принципа принципом индивидуального кровного происхождения. Однако, если в Европе роль нового принципа как организатора больших трудовых коллективов постепенно шла на убыль, то в азиатских условиях этого не происходило, т.е. большие трудовые коллективы объективно оказывались и кровными родственниками. Совершенно очевидно, что в Европе процесс смены принципов социальной организации начался с ее южных районов, от берегов Средиземного моря, но когда он начался — установить трудно. Археология здесь вряд ли способна помочь. Остается мифологическая и легендарная традиция, которая в известной мере сохранилась в письменных документах античного времени или была переработана античными авторами.